

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет социологии

Российское общество социологов

Сообщество профессиональных социологов

СБОРНИК
СТАТЕЙ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ -
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

посвящается памяти
первого декана факультета социологии

**Александра Олеговича
Крыштановского**

МОСКВА
1 – 3
ФЕВРАЛЯ
2012

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Российское общество социологов

Советская социологическая ассоциация - Российское общество социологов

УДК 3160:167/168(06)

ББК 66.5

C56

Редакционный совет

А. Б. Гофман, Г. В. Градосельская, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимова,
И. М. Козина, Л. Я. Косалс, В. А. Мансуров, В. Г. Николаев, О. А. Оберемко,
Н. Е. Покровский, Ю. Н. Толстова, А. Ю. Чепуренко (председатель), Е. Р. Ярская-Смирнова

C56 **Современная социология — современной России: Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ; РОС; СоПСо. — М.: НИУ ВШЭ, 2012. — 753 с. — 1 электрон. диск (CD-ROM).**

ISBN 978-5-904804-08-4

Сборник содержит статьи, подготовленные на основе докладов, сделанных на VI научно-практической конференции «Современная социология — современной России» (г. Москва, 1–3 февраля 2012), посвященной памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ Александра Олеговича Крыштановского.

Сборник рассчитан на тех, кто интересуется методологией, методикой и современной практикой проведения социологических исследований.

УДК 3160:167/168(06)

ББК 66.5

ISBN 978-5-904804-08-4

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2012
© Российское общество социологов, 2012
© Сообщество профессиональных социологов, 2012

РАЗДЕЛ 4
ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ:
АКТУАЛЬНОЕ
ПРОЧТЕНИЕ

О. А. Симонова

411 **Актуальные тенденции в современной социологии:
открытие эмоциональности**

Е. А. Гольман

423 **Социология тела: к теоретическим истокам**

К. П. Лазебная

432 **Питирим Сорокин в поле публичной активности:
прошлое и настоящее**

Е. А. Горячева

440 **Концепция «технографии»:
использование этнографических подходов
в социологическом описании**

РАЗДЕЛ 4
ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ:
АКТУАЛЬНОЕ
ПРОЧТЕНИЕ

Актуальные тенденции
в современной социологии:
открытие эмоциональности

Ольга Александровна Симонова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Одной из заметных тенденций в современных социологических исследованиях является так называемое «открытие эмоциональности» в человеческом поведении. Сегодня можно утверждать, что в социологии наметился так называемый «эмоциональный поворот», подобно «культурному повороту» или культурализации социологии¹. Около сорока лет назад начала формироваться и к настоящему времени институционализировалась отдельная область исследования – социология эмоций. Исследование эмоций в социологии стало характерным для многих направлений и школ в социологической теории, можно сказать, началась «эмоционализация» социологического подхода к изучению общества. Появилось множество статей и книг, посвященных роли эмоций в сфере межличностных взаимодействий и в крупных социальных структурах, коллективном поведении². Эмоции анализируются в социологии культуры, социологии организаций, труда, здоровья, спорта, преступности и других³. Увеличилось число работ, в которых авторы пытаются осмыслить идеи классиков социологии относительно эмоций.

¹ См.: А.Б. Гофман. Социальное, социокультурное, культурное: Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник, 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ; Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В.Ефременко. - М., 2010., № 2. - С. 128-136.

² См.: Handbook of the sociology of emotions / Ed. By J. E. Stets, J.H. Turner. – New York: Springer, 2006; Turner J.H. The sociology of emotions: Basic theoretical arguments // Emotion Review. - Los Angeles, London, New Delhi and Singapore: Sage Publications and the International Society for Research on Emotion. – Vol. 1. – N. 4. – P. 340-354; Blackman S. J. 'Hidden ethnography': Crossing emotional borders in qualitative accounts of young people's lives // Sociology. - London: Sage Publication, 2006. - Vol. 41, N. 4. - P. 699-716.

³ См.: Hochschild A. The managed heart: Commercialization of human feeling. - Berkeley: University of California Press, 1983; Giordano P. C., Schroeder R. D., Cernkovich S. Emotions and crime over the life course: A neo-meadian perspective on criminal continuity and change // American Journal of Sociology. – Chicago: Chicago univ. press, 2007. - Vol.112, N 6. – P. 1603-1662.

Например, ученые-социологи часто пересматривают идеи Э. Дюркгейма с точки зрения роли эмоций в социальной жизни¹, одной из самых ярких является теория Р. Коллинза². Теория Т. Парсонса также осмысливается в этом отношении³, в частности Дж. Александер рассматривает систему культуры, где эмоции являются одним из фундаментальных свойств символической среды действия⁴. Примеры такого поворота к рассмотрению эмоций можно приводить долго, хотя традиционно и исторически в социологии эмоции и разум противопоставлялись как иррациональность и рациональность, или разделялись аналитически, – например, у М. Вебера (целерациональное и аффективное действия) или у Т. Парсонса (инструментальные и экспрессивные переменные). Но Тернер и Стетс утверждают, что теоретическое социологическое изучение эмоций – это ключ к пониманию рациональности⁵. По Р. Коллинзу, эмоции являются показателем рациональности, поскольку рациональность зависит от оценивания полезности альтернативных линий поведения⁶. Все социологические теории указывают, что эмоции направляют процесс принятия решения, то есть рациональность и эмоции связаны весьма сложным образом; эмоции могут играть существенную роль и в выборе целерационального курса действия (так, именно острые эмоциональные состояния, связанные с проблемой спасения, послужили одной из причин определенного экономического поведения у Вебера).

В самом общем смысле можно говорить о трансформации модели *homo sociologicus*⁷, которая теперь включает такие переменные, как чувства, настроения, переживания, объединенные термином «эмоции». Модель *homo sociologicus* как средоточие разных социальных ролей, как модель преимущественно рационального актора модифицируется в модель *homo sociologicus affectionalis*. Социальное действие, соответственно, понимается как во многом эмоциональный процесс. Модель рационального актора представляется теперь «эмпирически ущербной» и «эвристически дезориентирующей»⁸. Формирование социальных структур также рассматривается сегодня в связи с эмоциями⁹. Дж. Барбалет отмечает, что «эмоция – необходимое связующее звено между социальной структурой и социальным актором, без нее описание

¹ См., например, Pickering W.S. F., Rosati M. *Suffering, evil and durkheimian sociology: Filling a gap // Suffering and evil. The durkheimian legacy. Essays in commemoration of the 90th anniversary of Durkheim's death / Ed. by W.S. F. Pickering, M. Rosati. - New York, Oxford: Durkheim Press, Berghahn Books, 2008.*

² Collins R. *Interaction ritual chains. - Princeton: Princeton University Press, 2004.*

³ См.: Fish J.S. *The neglected element of human emotion in Talcott Parsons's The structure of social action // Journal of Classical Sociology Copyright. - SAGE Publications: London, Thousand Oaks and New Delhi, 2004. - Vol 4(1). - P. 115–134.*

⁴ Cordero R., Carballo F., Ossandon J. *Performing Cultural Sociology: A Conversation with Jeffrey Alexander // European Journal of Social Theory. - Los Angeles, London, New Delhi and Singapore: Sage Publication. - 2008. - Vol. 11(4). - P. 528-529.*

⁵ Turner J. H., Stets J.E. *The sociology of emotions. - Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. - P. 21-22.*

⁶ Collins R. *The role of emotion in social structure // Approaches to Emotion / Ed. by K. R. Scherer and P. Ekman. - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1984. - P. 385.*

⁷ См.: Дарендорф Р. *Homo sociologicus: опыт об истории, значении и критике категории социальной роли / Р. Дарендорф. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. - М.: Праксис, 2002. - С. 148-162.*

⁸ Barbalet J. M. *Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. - P. 148.*

⁹ Turner J. H., Stets J.E. *The sociology of emotions. - Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. - P. 1.*

действия будет фрагментарным и неполным»¹. Именно с социологическим изучением эмоций как типичных внутренних состояний индивидов, которые влияют на структуру личностной идентичности, связаны методологические стратегии преодоления аналитического разделения общества на микро- и макроуровень и объяснения связи отдельных индивидов с социальной структурой. Социология эмоций в целом занимается описанием социально-культурных условий, в рамках которых возникают разнообразные типы эмоций, и определением возможных социальных последствий этих эмоциональных реакций и в этом ключе проводит дисциплинарную границу с психологией эмоций. Основные вопросы социологии эмоций можно свести к следующему: каковы функции эмоций в социальной структуре и их роль в воспроизводстве и изменении социально-культурного мира? Таким образом, социальные взаимодействия связаны с порождением и выражением эмоций. В то время как психология фокусируется на индивидуальных процессах, связанных с эмоциями, социология помещает индивида в социально-культурный контекст и анализирует, каким образом преимущественно социальные структуры и культура влияют на возникновение и протекание эмоций у индивидов.

В истории социологии интерес к эмоциям был связан с главными социологическими проблемами, проблемой социального порядка, социальной солидарности, проблемой социального действия, социального конфликта и социального изменения. Ученые рассматривали социальные и моральные аспекты социальных явлений. О социальной функции эмоций писали социологи-классики – Г. Зиммель, М. Вебер, Э. Дюркгейм, отмечавшие, что эмоции «скрепляют» общество, обеспечивая его внутреннюю солидарность, способствуют зарождению новых идеологий, направляют социальные действия. Зиммель обратил внимание на социальную природу эмоций, которые рассматривал в контексте непосредственных взаимодействий людей, признавая эмоциональный поток частью конфликтного процесса. Вебер выделил в особый тип аффективные действия, объем которых в обществе может изменяться с течением времени. К. Маркс включал в понятие отчуждения эмоциональную депривацию рабочего класса. Дюркгейм признавал роль чувств в возникновении религий, а также отмечал эмоциональную подоплеку социальной солидарности. В американской социологии исследователи изначально признавали существенную функциональную роль эмоций в обществе, рассматривая проблемы мотивации социального действия (У. Самнер, Ч. Кули, А. Смолл, У. Томас и др.). В частности, Кули придавал особое значение конкретным эмоциям, особенно гордости и стыду, которые являются результатами оценки образа Я в глазах других (понятие «зеркального Я»). Тем не менее у основной массы социологов этот феномен продолжительное время не вызывал интереса. Идеи относительно эмоций в социологии существовали разрозненно. Т. Парсонс считал, что классики считали роль эмоций в обществе второстепенной. Однако К. Шиллинг считает, что Парсонс преуменьшил то внимание, которое классики уделяли эмоциям². Он выделил два принципиальных

¹ Barbalet J. M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – P. 27.

² См.: Shilling C. The Two traditions in the sociology of emotions // Emotions and Sociology / Ed. by J. M. Barbalet. - Oxford: Blackwell Publishing, 2002. - P. 10.

подхода к эмоциям в классической европейской социологии, к одному из них он отнес теории О. Конта и Э. Дюркгейма, а к другому – Г. Зиммеля и М. Вебера. Все другие концепции также, с его точки зрения, можно отнести к одному из этих подходов.

Первый подход базировался на социальных функциях эмоций в обществе в целом, в сохранении социальной солидарности, то есть роли эмоций в «связывании» индивидов. Поэтому Конт и Дюркгейм придавали такое значение религии, в которой культивируются чувства приверженности символам общества, эмоции канализируются в организованные, моральные действия. Социальные явления, особенно ритуалы, а также коллективные собрания, по Дюркгейму, порождают чувства, способствующие возникновению и закреплению солидарности, культурные символы становятся эмоционально заряженными, благодаря общим чувствам группы осознают свою целостность, а социальный порядок через чувства оказывает воздействие на индивидов. Таким образом, социальный порядок в известной степени становится священным. Если О. Конт и Э. Дюркгейм рассматривали эмоции в обществе как целом, уделяли внимание в основном разделяемым чувствам, то есть отталкивались в понимании роли эмоций от социального целого, то Г. Зиммель и М. Вебер отталкивались от индивида и творческого потенциала его эмоциональности. По Зиммелю, социальные эмоции, например, благодарность, поддерживают социальные формы. Однако на смену эмоционально насыщенной жизни традиционного общества приходит эмоционально нейтральное и даже бедное эмоциями общество, капиталистическая экономика и жизнь в городе требуют от индивидов дистанцироваться от эмоциональных связей, вести себя эгоистично. В социологии Вебера эмоции играют амбивалентную роль; с одной стороны, они обесцениваются как мотивационная сила действия, размываются в общем процессе рационализации, но, с другой стороны, нужна страстная приверженность рациональному курсу действий. Кроме того, эмоции играют важнейшую роль в возникновении харизматических культов, способствующих социальным изменениям, которые возникают, несмотря на рациональность мира. Протестантизм способствовал аскетическому отношению к телу и чувствам, но вместе с этим стали возникать чувства одиночества, страха, бессмысленности, которые психологически преодолевались за счет веры в определённые ценности, надежды на спасение. Описанные подходы отсюда различаются по представлениям о происхождении эмоций и об их последствиях и роли в современном обществе.

Надо заметить, что не только классики европейской социологии, но и классики американской социологии придавали эмоциям большое значение. Здесь можно поставить принципиальный для обозначенной темы вопрос: если классики социологии придавали такое значение эмоциям, то почему новая специализированная область социологии эмоций возникает только в 70-х годах XX века? Любопытно, что конец XIX века – начало XX века часто называют «золотым веком» психологии эмоций, начиная с трудов Г. Спенсера, Ч. Дарвина, У. Джеймса, Дж. Дьюи, В. Вундта и других; тогда как середина XX века характеризуется как относительное «затишье» в исследовании эмоций даже в психологии, после чего мы опять наблюдаем оживление в этой специализированной

области психологии¹. Таким образом, можно наблюдать сходные процессы в этих науках в определенной степени и при известных различиях.

Отсюда можно выделить определенные периоды развития социологии эмоций. Приблизительно период 1930-1970-х годов можно считать обществом «аффективной нейтральности» (Т. Парсонс), когда эмоции в социологии практически не исследовались. Дж. Барбалет полагает, что теорию Парсонса можно считать окончанием классического периода социологического изучения эмоций². Парсонс действительно вслед за Вебером и другими теоретиками трактовал современное общество как общество «аффективной нейтральности». По Парсонсу, проблема социального порядка – это проблема баланса между девиацией и контролем: эмоциональные реакции порождаются в определенных социальных процессах и должны регулироваться с помощью других социальных процессов. В теории Парсонса социальный контроль – это не только устранение девиантных факторов из мотивационной системы социальных акторов, но и ликвидация их последствий. В этой связи он писал, что «напряжения, которые могут привести к девиантной мотивации, являются эндемичными для социальных систем, и поэтому напряжения и девиация являются неизбежными и неустранимыми, хотя и содержательными аспектами социальных систем»³. Напряжение возникает из-за трудностей согласования между нормативной системой ожиданий и системой социального взаимодействия. Напряжение, по Парсонсу, приводит к возникновению тревожности, иллюзий, враждебности, защитного поведения индивидов, то есть порождает эмоции либо подрывающие общественный порядок, либо приводящие к отказу от него. Поэтому социальный контроль должен быть направлен именно на эти элементы мотивационной структуры. При этом значимым компонентом социального контроля является подавление эмоциональных последствий напряжений, которые, по Парсонсу, являются частью «нормальных процессов взаимодействия в институционально интегрированной социальной системе»⁴. Указанные нормальные процессы включают ограничения для некоторых типов выражения эмоций, которые могут быть табуированы в повседневной жизни, но в то же время являются частью социальной структуры. Например, функцией похоронной церемонии является эмоциональное выражение горя и одновременно ограничение распространения этого сильного чувства⁵. Поэтому цель социального контроля в теории Парсонса заключается в прямом сдерживании эмоций и управлении ими. По Парсонсу, социальное действие направляется не эмоциями, а нормативными ожиданиями, поддерживается системой ценностей, а не индивидуальными интересами и аффектами. Парсонс, по К. Шиллингу, настаивал на первостепенности когнитивных компонентов социального

¹ Gendon M., Barrett L. F. *Reconstructing the Past: A century of ideas about emotion in psychology*// *Emotion Review*. - Los Angeles, London, New Delhi and Singapore: Sage Publications and the International Society for Research on Emotion, 2009. – Vol. 1. – N. 4. – P. 316-339.

² Barbalet J. *Emotions beyond regulation: Backgrounded emotions in science and trust*// *Emotion Review* Los Angeles, London, New Delhi, Singapore and Washington DC: Sage Publications, 2011. – N. 3. – P. 38.

³ Parsons T. *The social system*. - New York, NY: Free Press, 1951. - P. 298.

⁴ Ibid. – P. 301.

⁵ Ibid. – P. 306.

действия¹. Тем не менее, Парсонс прояснил вопрос связи между культурой и эмоциями: эмоциональное основание современности – «светский инструментальный активизм». Парсонс полагал, что христианские ценности наполнили американскую культуру строгим чувством ответственности, стремлением к успеху, что можно считать эмоциональным основанием. Стремление к успеху – это не «анархический индивидуализм», но институционализированный индивидуализм, который заставляет людей вкладываться в построение сообщества. Общество производит личности, которые достигают высокого уровня вознаграждений благодаря полному участию в социальных системах. Эмоции, страсти и импульсы посредством социализации упорядочиваются в рамках светского инструментального активизма, направленного на продуктивность социальной системы. Эмоциональные реакции моделируются ценностями, они включены в когнитивные паттерны, чтобы координировать действия. Например, медики перед лицом смерти стараются подавлять эмоции во имя инструментальных ценностей.

В результате, классический период социологического изучения эмоций заканчивается теоретической моделью Парсонса, в которой, с одной стороны, социальные системы успешно справляются с эмоциями на всех уровнях, а с другой – социальные системы чрезвычайно чувствительны к проявлению эмоций. Это в свою очередь имело следствием чувствительность к социальному и историческому контексту проявления эмоций, а также значению эмоций в социальном и моральном целом. В дальнейшем развивался не социологический подход к эмоциям, а развивались разные отрасли социологического знания, где постепенно обнаруживались социальные функции эмоций, а также специфицировались социальные условия возникновения и выражения эмоций. При этом особенно этот процесс очевиден в американской социологии. В европейской социологии интерес к эмоциям был постоянным, но специализированная область не появлялась, специальных социологических работ, посвященных эмоциям, было мало, в каждом отдельном случае пришлось бы реконструировать социологический взгляд на разные конкретные эмоциональные состояния. Но процесс специализации в науке продолжался, причем не только в социологии, развивалась также нейрофизиология мозга, биологические исследования эмоций. Одни из первых работ в социологии эмоций появились только в 70-х годах XX века – это, к примеру, работы Т. Кемпера (1978) и А. Р. Хохшильд (1979)². Одной из самых заметных работ стала работа в области социологии труда и трудовых отношений – «Управляемое сердце» (1983) А. Р. Хохшильд, в которой управление эмоциями рассматривалось в такой значимой сфере современного общества, как сфера обслуживания, введены понятия эмоциональной работы, эмоционального труда, эмоциональной культуры, которая включает эмоциональные идеологии,

¹ Shilling C. The Two traditions in the sociology of emotions // *Emotions and Sociology* / Ed. by J. M. Barbalet. - Oxford: Blackwell Publishing, 2002. - P. 29.

² Kemper T. D. A social interactional theory of emotions. - New York: John Wiley and Sons, 1978; Hochschild A. R. *Emotion work, feeling rules, and social structure* // *American Journal of Sociology*. – Chicago: Chicago univ. press, 1979. –N. 85. – P. 551-575.

эмоциональные привычки, правила чувствования¹. Эта книга, неоднократно награждавшаяся разными социологическими премиями, положила начало целому направлению в социологии эмоций и одновременно в социологии труда, сервиса, классового анализа. Затем вышли работы Н. Дензина (1984), С. Гордона (1981), Т. Шеффа (1983), П. Туа (1989), С. Шотт (1979), Д. Хейза (1979) и многих других². Это было началом социологии эмоций, когда эмоции в основном фиксировались и изучались на микроуровне социальной структуры, в межличностных взаимодействиях, в отдельных группах. В то же время появляются самые известные современные разработки в психологии эмоций, например, кросс-культурные исследования П. Экмана, психологические исследования К. Изарда, Р. Лазаруса, С. Томкинса и других³. В 90-х XX века и начале 2000-х годов началось бурное развитие и институционализация социологии эмоций, появилась секция в Американской социологической ассоциации (задумана была в 1987, но реально заработала с 1990-х годов). Стали появляться книги, многочисленные статьи в рамках разных областей исследования, появились первые систематизации идей, стали активно реконструироваться работы классиков социологии – книги Дж. Тернера, Дж. Барбалета, Р. Коллинза⁴, книги для чтения, конференции, работы, посвященные социальным явлениям, которые тесно связаны с эмоциями, таким, которые сами люди считают эмоциями, например, любви (Э. Гидденс, Р. Белла, А. Свидлер, А. Хохшильд), доверию (Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен), а также симпатии (К. Кларк), разнообразным конкретным эмоциям (например, работы Т. Шеффа о стыде)⁵.

Эмоции стали специально исследоваться в рамках отдельных социологических школ и направлений. Теоретически эмоции в социологии осмысливаются в рамках практически всех школ и направлений. Дж. Тернер и Я. Стетс классифицировали имеющиеся социологические концепции эмоций⁶: *драматургические и культурные теории эмоций* (С. Гордон, А. Хохшильд, М. Розенберг, П. Туа, К. Кларк); *теории ритуалов* (Р.

¹ Hochschild A. The managed heart: Commercialization of human feeling. - Berkeley: University of California Press, 1983.

² Denzin N. On understanding emotion. - San Francisco, CA: Jossey Bass. Dickson-Swift, 1984; Gordon S. L. The sociology of sentiments and emotion // Social psychology: Sociological perspectives / Ed. by M. Rosenberg, R. H. Turner. - New York: Basic Books, 1981. - P. 562-592; Thoits P. A. The sociology of emotions // Annual Review of Sociology. - Palo Alto: Annual reviews, 1989. - N. 15. - P. 317-342; Scheff T. Toward Integration in the Social Psychology of Emotions // Annual Review of Sociology. - Palo Alto: Annual Reviews, 1983. - Vol. 9. - P. 333-354; Heise D. R. Understanding events: Affect and the construction of social action. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1979; Shott S. Emotion and social life: A symbolic interactionist analysis // American Journal of Sociology. - Chicago: Chicago univ. press, 1979. - N. 84. - P. 1317-1334.

³ Ekman P. Emotions in the human face. - New York: Pergamon, 1972; Izard C. Human emotions. - New York: Plenum, 1977; Tomkins S. Affect/Imagery/Consciousness. - New York: Springer, 1962, 1963, 1965, 1992. - 4 vols.; Lazarus R. Emotion and adaptation. - N. Y.: Oxford University Press, 1991.

⁴ Barbalet J. M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1999; Turner J. H. On the origins of human emotions: A sociological inquiry into evolution of human effect. - Stanford, CA: Stanford univ. Press, 2000; Collins R. Interaction ritual chains. - Princeton: Princeton University Press, 2004.

⁵ См., например, Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in late modern age. - Cambridge: Polity Press, 1991; Scheff T. J. Emotions, the social bond, and human reality. - New York: Cambridge University Press, 1997; Swidler A. Talk of love: How culture matters. - Chicago: University of Chicago, 2001; Clark C. Misery and company: Sympathy in everyday life. - Chicago: University of Chicago press, 1997; Bellah R. N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S. M.. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. - Berkeley: University of California Press, 1985.

⁶ Turner J. H., Stets J.E. The sociology of emotions. - Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. - P. 23.

Коллинз, Э. Саммерс-Эффлер); *структурные теории* (Дж. Барбалет, Т. Кемпер, Р. Тамм, Б. Марковски, Дж. Бергер, С. Риджвей, Дж. Хаузер, М. Ловаглия, Р. Шелли); *теории символического интеракционизма* (С. Шотт, Д. Хейз, П. Берк, Ш. Страйкер, Дж. Маккол, Дж. Симмонс, Дж. Тернер, Т. Шефф); *теории социального обмена* (Э. Лоулер, Р. Форд, Л. Молм, К. Кук, Дж. Юн); *эволюционистские теории эмоций* (Дж. Тернер, В. Вентворт, М. Хаммонд). Социологи склонны разрабатывать понимание эмоций в рамках частных теоретико-исследовательских традиций, каждая из существующих концепций фокусируется на каком-либо аспекте межличностных взаимодействий¹. Социологические исследования эмоций стали сами специализироваться, например, исследование осознанных и неосознанных, фоновых эмоций, разделяемых, коллективных и индивидуальных эмоций, исследование, например, моральных эмоций, а также в соответствии с проблемами социологии – социального обмена, культуры, социальной структуры, социальных движений, ролевых конфликтов, личностной идентичности. Стали появляться сложные классификации эмоций (Р. Тамм, Дж. Тернер, Плучик и другие).

В одной небольшой статье трудно перечислить все направления исследования эмоций в социологии. Однако в первое десятилетие XXI века начались другие процессы в социологии эмоций, начались сомнения в первых классификациях, установившихся теоретических моделях, терминологии и других. Можно сказать, нормальный процесс развития этой области продолжается. Хотелось бы в этой связи кратко обозначить проблемы современной социологии эмоций, преимущественно в ее американском варианте. Ни одно из направлений современной социологии не дает строгого определения эмоций, в социологии пока еще не выработаны термины для описания эмоциональной жизни человека, но только – для разговора о социологических аспектах эмоций. Это связано с тем, что эмоции представляют комплексное явление, часто требующее междисциплинарного подхода, хотя существует общее представление об эмоциях, включающее взаимосвязанные элементы, которое характерно для всех социологических концепций эмоций². Эмоции определяются через аффекты, настроения, чувства и пр., через определенный набор характерных черт, которые можно наблюдать или зафиксировать (например, телесные жесты, сопровождающие эмоции). Эта проблема связана с тем, что эмоции «оперируют» на разных уровнях реальности: биологическом, неврологическом, поведенческом, культурном, социально-структурном и ситуационном, а также с тем, что исследователь обычно касается тех аспектов эмоций, которые релевантны этим уровням, поэтому и возникают различные дефиниции. Если акцент делается на культуре, возникает понятие эмоциональных идеологий, правил чувствования и словарей эмоций. П. Туа предложила список взаимосвязанных элементов эмоций, которые непременно включают: комплекс ситуативных значений, физиологические изменения, культурные значения эмоций и экспрессивные жесты³. Эти элементы не говорят о том, что такое эмоции, но объединяют практически все аспекты в большинстве социологических концепций эмоций. Таким образом, в социологических

¹ Turner J. H., Stets J.E. The sociology of emotions. - Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. - P. 294-295.

² См.: Thoits P. A. Emotional deviance: Research agendas // Research Agendas in the Sociology of Emotions / Ed. by T. D. Kemper. - Albany: State University of New York press, 1990. - P. 180-203.

³ Ibid.

теориях эмоции предстают как культурно сконструированные суждения, как аспекты систем культурных значений, используемые людьми для понимания ситуаций, в которых они оказываются. Эмоции также трактуются как способы выражения индивидуальных чувств, действий, оценок и мнений с помощью физиологических реакций, поэтому эмоции можно понимать как «принятие роли эмоций». Более того, эмоции выступают как средства осознания отношения индивидов к миру, как энергетический источник действия. Поэтому эмоции, с точки зрения социологии, можно рассматривать не как внутренние состояния, а как действия, направленные на достижение социальных и культурных целей.

Если суммировать итоги развития современных социологических теорий эмоций, то можно сказать, что *основными концептуальными* и одновременно *дискуссионными* проблемами здесь выступают соотношения: а) биологической и социальной природы эмоций, б) сознательных и бессознательных эмоций; в) простых и сложных эмоций, г) позитивных и негативных эмоций; д) микро- и макросоциологии эмоций; е) отдельных традиций изучения эмоций и общей социологической теории эмоций. Все подходы согласуются в том, что индивиды стремятся переживать позитивные эмоции и избегать негативных, однако для социологов главная цель заключается в том, чтобы понять, каким образом эмоции влияют и сами находятся под влиянием социальных структур и культуры. Все теории рассматривают эмоции как мобилизующее и направляющее поведение в стремлении индивидов установить соответствие между ожиданиями и опытом. Но при этом социологи склонны разрабатывать понимание эмоций в рамках частных теоретико-исследовательских традиций. Каждая из существующих концепций в современной социологии фокусируется на каком-либо аспекте межличностных взаимодействий. С позиции Дж. Тернера и Я. Стетса, ученые не пересекают границы своих школ, чтобы объединить результаты, поэтому необходимо каталогизировать общие источники ожиданий в различных ситуациях – идентичность, культурные нормы, ценности и верования, элементы социальной структуры, и попытаться наметить пути к созданию более унифицированной теории¹.

Т. Шефф отмечает так называемую «лингвистическую проблему» в социологии эмоций². Он считает, что необходима и предварительная работа для систематического исследования эмоций. Не существует консенсуса по поводу разных классификаций и определения эмоций, предложенных в разных источниках, поэтому мы имеем множество смутных определений, сформулированных на разговорном языке. Шефф демонстрирует это на примере одной из теорий, которая, с его точки зрения, является показательной в этом отношении. Дж. Брюнер открыл широкую дискуссию о двусмысленностях языка, на которых описываются эмоции: «Ученые продолжают использовать старые, знакомые всем слова для описания эмоций...так, как будто сообщества, которые изобрели эти... термины, обладали особым видением основополагающих черт человеческой природы»³. Брюнер предложил в этой работе дефиниции 18

¹ Turner J. H., Stets J.E. The sociology of emotions. - Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. - P. 294-295.

² См.: Scheff T. J. Social-emotional world: Mapping a continent // Current Sociology. - London: Sage Publication, 2011. – Vol. 59 (3). – P. 347–361.

³ Bruner J. Behavioral inhibition// Handbook of affective sciences/ Ed. by Davidson R., Scherer K., Goldsmith H. – New York: Oxford University Press, 2003. – P. 323.

эмоций. Но эти дефиниции также не являются удовлетворительными. Шефф полагает, что совершенно необходимо дать определения следующим эмоциям, которые необходимы для социологии, поскольку связаны с изучением солидарности, связанности людей между собой – любви, гордости, гнева, стыда, страха и горя. Они часто возникают из-за нарушения социальных связей. Это необходимо для того, чтобы устранить путаницу в определениях, поскольку часто одни эмоции принимают за другие, необходимо определить границы каждой эмоции.

Кроме того, именно в настоящее время подвергаются сомнению самые устоявшиеся классификации эмоций – на первичные и вторичные, позитивные и негативные. Результаты проведенного Г. Смитом и А. Шнайдером кросс-культурного исследования эмоций позволяют утверждать, что классификация эмоций на первичные и вторичные не оправдана. Полученные данные свидетельствуют о том, что так называемые универсальные, базовые или первичные эмоции, даже если они являются врожденными, статистически не различимы. Также не получили эмпирического подтверждения теории смешивания эмоций, когда теоретически предполагалось, что сложные эмоции возникают в результате смешивания более простых¹. Кроме того, в некоторых работах вообще подвергается сомнению исследование эмоций только в рамках отдельных дисциплин в пользу более целостного подхода к изучению эмоций, междисциплинарного исследования эмоций: существует ли вообще специфика социологического подхода к эмоциям? Отсюда существует проблема исследования эмоций на микро и макроуровне. Дж. Барбалет, например, полагает, что эмоции надо изучать на мезо- и макроуровне социальной структуры. Р. Коллинз считает, что эмоциональная энергия формируется на микроуровне социальной системы, и переходит в другие сферы и на другие уровни. Дж. Тернер и Я. Стетс сетуют, что эмоции изучаются только на микроуровне, социология многое заимствует из смежных областей, таких как экспериментальная психология, биология, нейрофизиология².

В связи с напряжениями и тенденциями в современной социологии эмоций хотелось бы обозначить некоторые стратегические направления в социологических исследованиях эмоций, которые, на наш взгляд, являются наиболее продуктивными. Эмоции с социологической точки зрения наиболее плодотворно изучать в рамках культурных теорий эмоций, которые связаны с поиском правил чувствования, изучением эмоциональной культуры, эмоциональной идеологии, описанием исторических условий проявления эмоций. Такой подход к эмоциям наиболее близок к социологической специфике, например, составление словарей эмоций, представлений об эмоциях, об эмоциях, которые включены в более широкие поведенческие комплексы. Далее, эмоции невозможно на данной стадии развития социальных наук определить точно, поэтому выход заключается в том, чтобы рассматривать эмоции как целостный поведенческий синдром, имеющий телесные, социальные, психологические аспекты. Эмоции всегда вписаны в более крупные культурные комплексы, могут выступать частью эмоциональных режимов, социальных структур и процессов. Поэтому перед социологией стоит

¹ Smith H., Schneider A. Critiquing models of emotions//Sociological Methods & Research. - Los Angeles, London, New Delhi, Singapore and Washington DC: Sage Publications, 2009. - Vol. 37, N 4 – P. 560-589.

² Turner J. H., Stets J.E. The sociology of emotions. - Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. - P. 296-299.

задача выдвижения новых классификаций, которые могли бы преодолеть ограниченность прежних в основном психологических классификаций эмоций. Поэтому суть социологического подхода к эмоциям в изучении сочетания исторического, антропологического и социально-структурного контекста проявления эмоций. Уместен здесь и завет социологов-классиков дюркгеймовского направления – необходимо изучить роль эмоций в моральном порядке общества.

Таким образом, модель *homo sociologicus* как средоточие разных социальных ролей, как модель в большей степени рационального актора, не имеет прежней объяснительной силы и нуждается в изменении. Сегодня ее можно представить как модель *homo sociologicus affectionalis*, имеющую ряд отличительных черт. Все действия такого индивида, в том числе и целерациональные, всегда эмоциональны; главная функция эмоций — в «преодолении неопределенности будущего»¹, что гарантирует устойчивое поведение и социальную солидарность. Поэтому при рассмотрении того, как индивид ориентируется на разные смысловые значения, нужно учитывать его эмоциональные переживания как готовность действовать на основе этих значений². Здесь же можно выделить коммуникативную, или сигнальную функцию эмоций, обеспечивающую гладкое протекание взаимодействия. В процессе межличностных взаимодействий эмоции используются как значимый ресурс для стратегического управления впечатлениями, эмоции специально вызываются для создания и изменения образа Я. Кроме того, надо отметить смыслообразующую функцию эмоций, когда для людей важны эмоциональные переживания сами по себе (например, любовь). Социология эмоций знаменует возврат к индивиду, который связан с разнообразными социальными группами, в том числе – через эмоциональную привязанность и отторжение. Концепция актора, которая продвигается в рамках школы культурной социологии Дж. Александера, включает исполнение как часть социально-культурных практик, что означает, что актер действует в ситуации нерационально. Эмоции как часть исполнения «оживляют» актора, делая исполнение непрерывным процессом воспроизводства и изменения социально-культурных образцов поведения. Эмоции, кажущиеся на первый взгляд индивидуальными и интимными переживаниями, делают живыми социальные структуры, обеспечивая их приспособляемость. Поэтому социальное действие следует понимать как эмоциональный процесс.

В заключение хотелось бы отметить, что феномен «открытия эмоциональности» в современной социологической теории требует осмысления причин и последствий этой тенденции, как с точки зрения логики самой социологической теории, так и с точки зрения процессов, протекающих в обществе. С одной стороны, культурная среда современного общества благоприятствует представлению, что именно во внутреннем мире индивида и возникают общественные проблемы, которые должны в силу этого решаться самим индивидом, то есть происходит смещение акцента от социальных условий на внутреннюю жизнь индивида. Эта тенденция подкрепляется усилившимся чувством

¹ Barbalet J. M. *Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach*. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – P. 49.

² Hochschild A. *The managed heart: Commercialization of human feeling*. - Berkeley: University of California Press, 1983. –P. 222.

индивидуализации. Результатом этого становится то, что «социальные проблемы все более воспринимаются в терминах психологических установок: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы» - заключает У. Бек¹. Конечно, понимание внутренней жизни индивида важно для изучения человеческого поведения и более широкой жизни сообщества, но это часто ведет к недооценке социальных и культурных оснований индивидуальной идентичности. Значение социального и культурного влияния не принимается во внимание в пользу обсуждения личных эмоций. «Вчерашний экономический и социальный детерминизм был преодолен новым и не менее жестким детерминизмом – эмоциональным детерминизмом»². Т. Шефф, крупнейший специалист по исследованию эмоций, отмечает, что поскольку современное общество идеологически сфокусировано на отдельных индивидах, идея о том, что два или более индивида находятся в состоянии единения или частичного единства, даже временного, кажется навязчивой рекламой. Понятие коллективного сознания Э. Дюркгейма, которое иногда переводится как групповое мышление, не принимается во внимание. Но общество невозможно без разделяемого опыта, поэтому автор настаивает, чтобы взаимное осознание было верно понято, даже самый простой диалог, не говоря уже о сложных формах связанности. Поэтому эмоции важно изучать то в связи с коллективным опытом, опытом солидарности³.

С другой стороны, эмоциональная рефлексивность, которая рассматривается как свойственная всем социальным действиям, рисует образ человека, обладающего сознанием, которое живет в мире целостных, мифических представлений о мире, схватывающих мир посредством чувств в непосредственном опыте взаимодействия. То есть социальный мир предстает не как фрагментированный и атомизированный, а наоборот, целостный и связанный посредством новых форм чувственного опыта, к примеру, паттернов потребления медиа-продуктов. И это подкрепляется в современном мире существующей системой коммуникаций, особенно средствами массовой информации⁴. Поэтому социологическое исследование эмоций, безусловно важное для целостного представления о человеческом поведении, само по себе нуждается в социологической рефлексии.

¹ Beck U. Beyond Status and Class? // Individualization / Ed. by U. Beck, E. Beck-Gernsheim. - London: Sage, 2002. – P. 39.

² Furedi F. Recapturing the sociological imagination: The challenge for public sociology // Handbook of public sociology / Ed. by V. Jeffries. – Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – P. 181.

³ Scheff T. J. Social-emotional world: Mapping a continent // Current Sociology. - London: Sage Publication, 2011. – Vol. 59 (3). – P. 353.

⁴ См., например: Alexander J.C. Iconic consciousness: The material feeling of meaning // Society and Space, Environment and Planning D. - London: Pion Publishers, 2008. - Vol. 26(5). - P. 782–794; Alexander J.C. Iconic experience in art and life. Surface/depth beginning with Giacometti's Standing Woman // Theory, Culture and Society. - Los Angeles etc.: Sage, 2008. - Vol. 25(5). - P. 1–19.

РАЗДЕЛ 4

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ: АКТУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Социология тела: к теоретическим истокам

Евгения Андреевна Гольман

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Социология тела является относительно новой, однако уже институционализированной отраслью социологии. Проблема тела привлекла внимание социологов несколько десятилетий назад, при этом возросший интерес к данной проблематике объясняется рядом социальных изменений, затронувших телесное измерение существования человека в его взаимодействии с обществом. Так, некоторые авторы отмечают возрастание значимости тела в коммуникативных процессах современного мира (Романовский 2006); другие связывают возросшее внимание индивидов к собственному телу с возможностью конструирования собственной идентичности посредством преобразования тела в условиях высокого модерна (Shilling 2003 [1993]); третьи уделяют основное внимание проблемам биоэтики в связи с активно развивающимися биотехнологиями (Turner 1992 [1984]).

Одной из актуальных проблем современной социологии тела является поиск теоретических оснований изучения данной проблемной области. Стоит подчеркнуть, что проблема тела и телесности не является традиционной ни для философии, ни для социологии. Поворот к телесно воплощенному человеку произошел в философии лишь в начале прошлого века, в то время как социология обратилась к этой тематике лишь ближе к середине XX века. Как отмечает ряд авторов, социологическая мысль наследовала картезианский дуализм разделения тела и разума из философии (Howson and Inglis 2001), и по мере того, как философия начала пересматривать это деление, подобная тенденция стала характерна и для социологии. До этого, как отмечает В.Л. Круткин, можно было говорить о существовании сугубо редукционистских биологизаторского и социологизаторского подходов, по сути, игнорировавших проблему телесного. Биологизаторский (натурцентрический) подход сводил тело к организму, совокупности соматических процессов. Тело было интересно представителям данного подхода только как заболевший организм, требующий изучения и терапии. Человеческое тело в ином случае не проблематизировалось. В рамках социологизаторского подхода тело игнорировалось, а человек рассматривался лишь как «сгусток общественных отношений». И получается, что биологизаторское рассмотрение тела игнорировало все социальные и культурные характеристики, в то время как социологизаторское игнорировало телесную воплощенность человека. Подобное деление человеческой сущности не способствует целостному рассмотрению человека, ведь последнее возможно, по мнению В.Л. Круткина, только если принять за точку отсчета телесность человека как средоточие биологического и социокультурного (Круткин 1997).

Таким образом, классическая социология преимущественно игнорировала тело человека. Так, Б. Тёрнер выделил несколько причин, по которым «отцы-основатели» социологии (к которым автор относит Э. Дюркгейма, М. Вебера, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, К. Мангейма) не уделяли внимания телесному измерению существования человека. Во-первых, сосредоточенность классиков на выделении черт индустриальных обществ и их сравнении с обществами традиционными. Во-вторых, базовый для социологии подход заключался в рассмотрении общества как системы, поэтому внимание уделялось преимущественно проблемам социального порядка и социальной динамики. В-третьих, социальное действие рассматривалось преимущественно как следствие деятельности разума, но не телесно воплощенного индивида. И, наконец, социология длительное время не проявляла к телу интереса в аспекте существующих в том или ином обществе систем классификации, в отличие от антропологии (Turner 1992 [1984]).

В противовес данной позиции К. Шиллинг настаивает на том, что тело имплицитно всегда присутствовало в классической социологической теории, в связи с чем необходимо говорить не о полном игнорировании тела классиками социологии, но о его «отсутствующем присутствии» («absent presence») (Shilling 2003 [1993]). Идея скрыто присутствующего тела в работах классиков подтолкнула представителей феминистской социологии к реинтерпретации классиков «в категориях телесного» (Howson and Inglis 2001).

У истоков проблематизации тела в социологии и социальной антропологии и формирования социологии тела был М. Мосс с работой, посвященной техникам тела. М. Мосс предложил идею, согласно которой каждое общество формирует специфические способы обращения и управления телом, который он назвал техниками тела. Под техниками тела М. Мосс подразумевал «традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом» (Мосс 2011 [1934], 304). Социолог утверждал, что каждое общество обладает своими привычками, техниками тела, конкретнее – техниками плавания, копания, ходьбы, бега и т.п. Данные техники, будучи транслируемы в процессе социализации, варьируются не только от общества к обществу, но и в пределах одного и того же общества в зависимости от возраста, культурных образцов, моды и гендера. М. Мосс делает вывод, что в любом обществе происходит социопсихофизиологическое конструирование серий актов. Эти акты более или менее привычны и стары в жизни индивида и в истории общества. И одной из причин, благодаря которой конструирование этих актов у индивида может осуществляться проще, состоит в том, что акты конструируются социальным авторитетом и ради него. Такой подход к телу подчеркивает преимущественно социально обусловленный преобразующе-манипулятивный характер существования тела, направленный на овладение движениями и окружающим миром (Мосс 2011 [1934]).

На проблематизацию телесности в современной социологии повлияли две сложившиеся традиции изучения телесного в социальной антропологии и социальной философии. Следует отметить, что деление многообразия авторских концепций на две перспективы носит условный характер.

Структуралистская традиция фокусировала внимание преимущественно на социальном принуждении индивида посредством его телесных практик (Douglas 1996 [1970]) и проблеме управления телом, дисциплине тела (Фуко 1999 [1975]). Так, М. Дуглас анализирует взаимосвязь двух тел: физического и социального. Социальное тело диктует способ восприятия физического тела. Физический опыт и переживание тела всегда корректируются социальными категориями и отражают определенный взгляд общества. Существует постоянный взаимообмен значениями и смыслами между двумя видами телесного опыта. В результате этого взаимодействия тело как таковое становится крайне ограниченным средством выражения и экспрессии. Жесткий социальный контроль требует и жесткого контроля над телесностью. При этом социальная система стремится освободить от телесной оболочки формы любого выражения, что М. Дуглас называет правилом непорочности. В процессе социализации ребенка учат контролировать органические процессы. И наиболее нежелательным является испускание отходов. Поэтому все физические процессы и их продукты – от дефекации, мочеиспускания до рвоты – несут в себе уничижительный оттенок в официальном дискурсе. Контроль простирается от таких очевидных физиологических процессов до телесного проявления психологических состояний – нервозности, всхлипываний, слез и т.п. И, в конечном счете, это правило непорочности затрагивает измерение, связанное с социальной дистанцией, степенью возможной близости, в особенности, телесной. В различных культурах степень и содержание контроля над телесностью во всех этих аспектах варьируется. В то же время, физическое тело на понятийном уровне всегда противопоставляется социальному, его потребности противопоставляются социальным потребностям. Дистанция между двумя телами отражает степень подавления и классификации в обществе. Те, кто находятся на вершине социальной иерархии, в большей степени подчинены культурным образцам поведения и телесного воплощения (что связано с манерой одеваться, вести разговор, принимать пищу и т.д.). И два тела, будучи воплощениями самости и общества, в зависимости от культуры могут быть практически слиты или же серьезно разделены (Douglas 1996 [1970]).

Пожалуй, в концепте тела М. Фуко лейтмотивом является «пассивность» и несопротивляемость тела режимам власти и доминирующим дискурсам. Дисциплинирование и подчинение тела наиболее ярко проявляется в таких социальных институтах и организациях, как армия, школа, больница. М. Фуко отмечает, что в XVIII век произошло открытие тела как объекта и мишени власти. Тело подвергается манипуляциям, формированию, муштре, повинует, реагирует, становится ловким и набирает силу. Представление и концепт Человек-машина, согласно философу, исторически формировалось в двух аспектах:

1. Анатомо-метафизический. Это аспект понимания и функционирования тела, важную роль в становлении которого философ отводит Р. Декарту, а также другим последующим философам и медикам;
2. Технично-политический – выраженный в совокупности военных и больничных уставов, рассчитанных процедур по контролю и управлению телом, его действиями и его исправлением в случае необходимости.

Как отмечает философ, «в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства» (Фуко 1999 [1975], 199), однако именно общество XVIII века обратилось к контролю телесного в более проработанном виде: уделяя внимание не целостному телу, но каждому движению, каждой мелкой механике; объектом контроля делая эффективность и внутреннюю организацию движений; модальность переориентируется с результата на процесс действий и означает непрерывность принуждения. Формируется целый ряд техник и методов для осуществления контроля над людьми.

В первую очередь, дисциплинарное принуждение людей и их тел, выработка концепта человека-машины, было связано с искусством распределения индивидов в пространстве. После распределения индивидов в пространстве, по мнению философа, осуществляется контроль над деятельностью в следующей логике: в первую очередь происходит распределение рабочего времени посредством трех основных методов - установление ритмичности, принуждение к четко определенным занятиям, введение повторяющихся циклов. Такую схему принуждения приняли колледжи, мастерские и больницы. Во-вторых, детализация действия во времени, разбивка действий на элементы, в которых каждому члену тела отдается четко определенное место, опосредуют проникновение в тело власти. Отсюда происходит корреляция тела и жеста: «дисциплинарный контроль заключается не только в обучении ряду конкретных жестов или их навязывании. Он насаждает наилучшее соотношение между жестом и общим положением тела, которое является условием его эффективности и быстроты» (Фуко 1999 [1975], 222). Дисциплина одновременно определяет, и какое положение занимает тело по отношению к объекту манипуляций, и каким образом необходимо рационально тратить время в сутках. Власть начинает полностью осуществлять контроль над техниками тела: «становясь мишенью новых механизмов власти, тело подлжит новым формам познания. Это скорее тело упражнения, чем умозрительной физики. Скорее тело, которым манипулирует власть, нежели тело, наделенное животным сознанием» (Фуко 1999 [1975], 226). Исторический анализ развития дисциплины и общества, проведенный М. Фуко, показывает, как постепенно осуществляется перенос дисциплины и модели человека-машины из военной области в область государственную и общественную.

В то время как структуралистская перспектива фокусируется преимущественно на исследовании степени вторжения социального в регулирование и управление биологическим телом, философская антропология (Шелер 1988 [1928]; Гелен 1988 [1963]), настаивавшая на неразрывности разума и тела в процессе совершения действия, и феноменологическая перспектива (Гуссерль 1986 [1935]; Мерло-Понти 1999 [1945]) рассматривают телесную воплощенность личности в качестве основы интенциональности и субъектности.

М. Шелер, дискутируя на тему соотношения традиционно противопоставляемых души и тела, полагает, что идея противопоставления потеряла свою актуальность, а сама проблема – метафизическую важность. Нужен поиск некой *основной* идеи человека, человека неделимого: «одна и та же жизнь формирует в своем «внутреннем бытии» психические образы, в своем бытии для другого –

телесный образ» (Шелер 1988 [1928], 78). Философ утверждает, что физиологический и психический процессы жизни онтологически тождественны, различны лишь феноменально, однако и феноменально тождественны по структурным законам, ибо оба направлены и ориентированы на целостность. Психофизическая жизнь оказывается едина и воплощается в единстве жизни – концепте телесности (Шелер 1988 [1928]). Позднее А. Гелен сформулировал в качестве проблемы то, что философия апеллирует к достижениям различных наук, изучающих человека в разных ипостасях, пытаясь объединить эти достижения в некое единое представление о человеке, но это получается, по мнению философа, не всегда удачно. Философ утверждает, что человек есть «предмет единый и доступный одной науке» (Гелен 1988 [1963], 158), которой он и полагает философскую антропологию. Исторически тело и душа человека противопоставлялись, и если принимать это противопоставление, то человек должен изучаться лишь биологией и психологией. Однако есть и нечто, что способно объединить эти два начала человека в телесности – искомая точка – действие: «Человеческое, осознанно совершаемое действие как процесс представляет собой в своем реальном протекании, с точки зрения переживания, совершенно неразрывное, до-проблематическое единство своего рода. В процессе действия просто не дано никакого различия или различимости «внутреннего» и «внешнего», психического или физического [...]» (Гелен 1988 [1963]; 160). Лишь последующая рефлексия не в «деятельном состоянии» способна аналитически различить «внутренние» фазы мышления и «внешнее» действие. Но в процессе самого действия рефлексия подобного рода неосуществима. При этом под действием понимается «предусмотрительное, планирующее изменение действительности» (Гелен 1988 [1963], 160), а то, что было изменено благодаря этому действию – культура: «действие и запланированные изменения мира, совокупность которых называется культурой, относятся к «сущности» человека» (Гелен 1988 [1963], 161). Сфера культуры становится окружающим миром человека, живущего результатами своей изменяющейся деятельности. Телесность, таким образом, можно рассматривать как перформативное (реализуемое в деятельностном воплощении) отражение социокультурного мира человека.

Изначальная постановка проблемы телесности философской антропологией повлияла на развитие феноменологической перспективы. Основатель феноменологии Э. Гуссерль затрагивал проблематику телесного в различных аспектах. Как он писал, «уже при самом беглом взгляде на пронизывающую окружающий мир телесность видно, что природа представляет собой однородную слитную целостность, так сказать, мир для себя» (Гуссерль 1986 [1935]). Тело представляется Э. Гуссерлю фундаментальным условием возможности вещи. Оно выступает связующим звеном между самим человеком и окружающими его людьми, вещами, миром: будучи «чувствующим», тело делает возможным понимание существования вокруг других людей. Опыт другого существует только «во плоти».

Развивая идеи Э. Гуссерля и постулируя новые, М. Мерло-Понти отмечает, что «конституирование другого» происходит не вслед за «конституированием тела», зарождение другого и «моего» тела

происходит одновременно. Продолжая феноменологическую традицию, М. Мерло-Понти отводит ведущую роль в «открытии мира» телу. В его концепции тело становится главным субъектом восприятия, естественным «я». Тело выступает «часовым, стоящим у основания слов и действий человека, «проводником бытия в мир», своего рода «осью мира», якорем, закрепляющим человека в мире, и вместе с тем способом нашего овладения миром» (Цит. по: Вдовина 2008, 54). Тело, по мнению философа, задает условия восприятия мира. Телесность становится необходимой основой интенциональности. Интенциональность теперь является характеристикой не только сознания, но и тела. Тело как субъект восприятия становится «мерой всего», «экзистенциальным ориентиром». Тело и человеческая субъективность поддерживают целостность мира. Телесность представляет собой целостность, через которую возможен доступ к целостности мира. Телесность становится исходной точкой для решения проблемы социальности, ибо и историчность, и социальность обоснованы в телесном (Мерло-Понти 1999 [1945]). Таким образом, если философская антропология постулировала в качестве основы телесности категорию «действие», то феноменология концептуализировала телесность до уровня интенциональности как основы восприятия и реакции на мир.

Некоторые авторы отмечают, что черты как феноменологической, так и структуралистской перспектив, можно проследить еще в научном творчестве И. Гофмана (Энтуисл 2007 [2000]). Это связано с тем, что И. Гофман уделял большое внимание проблемам самопрезентации, в т.ч. телесной, посредством которой индивид, с одной стороны, может представить себя перед определенным социальным окружением в выгодном свете, с другой стороны – социальное окружение накладывает определенные нормативы на внешний вид индивидов (Гофман 2000 [1959]). Посредством телесной активности человек проявляет свою принадлежность к определенному социальному классу, стилю жизни, ценностям. При этом телесное воплощение человека может изменяться, в зависимости от социального окружения. Одной из важнейших целей людей-актеров становится создание и поддержание желательного имиджа, при этом тело может стать помощником или препятствием в этом. Самопрезентация посредством телесности приобретает ключевое значение и в политической, и в обыденной жизни: «для индивида чрезвычайно важно, что именно его внешность постоянно сообщает о его социальной идентичности всем, с кем он пересекается» (Гофман 2001 [1963], 30). Тело может выступать не только свидетельством личных достижений, но и достижений семьи, социальной группы, партии, класса. Образ успешного человека обязательно включает в себя «успешное» тело (соответствующее определенным социальным стандартам). На обслуживание «успешного» тела брошены силы целой плеяды институтов и организаций – от косметологов до имиджмейкеров.

Социолог рассматривает тело и в своей теории стигматизации. Так, одной из трех причин возможной стигматизации И. Гофман называл телесное уродство и разного рода физические отклонения, недостатки. Причем, испытывая страх стигматизации, человек может осуществлять разного рода манипуляции со своим телом, преобразовывать его (путем обращения к пластической хирургии, занятиям спортом, диетам и т.п.):

«стигматизированный индивид может попытаться исправить свой недостаток и косвенным образом, изо всех сил стремясь овладеть видами деятельности, которые – по крайней мере, так считается – увечье делает ему недоступными по физическим причинам» (Гофман 2001 [1963], 8). Одновременно, стигматизированный индивид может использовать свою стигму для получения «вторичных выгод», оправдания своих неудач, никак со стигмой не связанных.

Заслугой И. Гофмана, на наш взгляд, является вывод проблемы телесного на социологический уровень как проблемы социальной идентичности и включения индивида в социальную среду. В теории социолога прослеживается взаимосвязь телесного воплощения индивида и его включения в определенную социокультурную среду, подчинения ей. С одной стороны, индивид может манипулировать своей идентичностью с помощью тела и телесного воплощения, с другой стороны, различные структуры воздействуют на индивида, дисциплинируя его социальное тело. В зависимости от конкретного контекста и собственных целей индивид может подстраивать свою телесность под ту или иную структуру, либо же она принудительно заставляет его подстраиваться.

Несмотря на то, что черты обеих теоретических перспектив изучения телесного прослеживаются в творчестве И. Гофмана, последовательная попытка интеграции структуралистской и феноменологической перспективы была осуществлена Пьером Бурдьё с помощью концепта габитуса (1992 [1979]). Этот концепт акцентирует внимание на внутреннем аспекте воплощения в теле человека социальных отношений. Сущность габитуса заключается в том, что он, с одной стороны, является продуктом интериоризации объективных социальных структур, с другой стороны – необходимым индивидуальным условием их экстериоризации: «габитус есть структурированная система диспозиций — система действия, восприятия, мышления, оценивания и выражения, — предрасположенная функционировать как структурирующая структура. В качестве таковой, габитус генерирует и структурирует практики и представления так, что они оказываются объективно адаптированными к системе социальных отношений, продуктом которой, впрочем, он является» (Шматко 1998, 63). Социальный мир использует тело как записывающее устройство: «он записывает на нем, особенно в форме социальных принципов деления, которые обыденный язык сводит в пары оппозиций, фундаментальные категории видения мира (если хотите, системы ценностей или предпочтений)» (Бурдьё 2005 [1990], 303). Таким образом, социальный мир, с одной стороны, осуществляет насилие над телом, запечатлевая в каждом теле программу восприятия, оценивания, действия. С другой стороны, эта программа функционирует как вторая природа человека, природа, подвергшаяся воздействию культуры, «окультуренная». Эта натурализованная социальная программа конструирует или же конституирует различие между полами в соответствии с принципами деления «мифического видения» мира. Такого рода социальный порядок неосознаваемо воспроизводится агентами габитуса, включенными в социальное поле. А это значит, что нельзя по приказу прервать воспроизводство подобного символического насилия и порядка. Телесные реакции в этом воспроизводстве

(например, определенного рода манеры, навязанные в качестве атрибута приличного поведения женщине или мужчине) становятся «и формами предчувствия негативных предрассудков, и способом невольного подчинения господствующей точке зрения, а также способом ощутить [...] тайный сговор, который тело, уклоняющееся от указаний сознания и воли, устанавливает с социальной цензурой» (Бурдьё 2005 [1990], 308). Тем не менее, основной критикой данной попытки объединить феноменологическую и структуралистскую перспективы часто является то, что в данном концепте структура доминирует над сферой личной свободы и телесной воплощенности индивида, что дает основание некоторым авторам оценивать этот проект как неудавшийся (Howson and Inglis 2001).

А. Хоусон и Д. Инглис полагают возможным рассматривать теоретическое противостояние структурализма и феноменологии, наследуемое социологией тела, через призму классической социологической дихотомии структуры и действия (2001). Следствием двойственности теоретических оснований социологии тела стали попытки отделить от собственно социологии тела (*sociology of the body*), ориентированной на анализ структур и на структуралистскую перспективу, телесную социологию (*corporeal sociology*), ориентированную на феноменологию тела. Таким образом, вопрос о возможности и необходимости интеграции двух перспектив остается открытым и неразрешенным.

Источники:

1. Бурдьё П. 2005 [1990] Мужское господство. Пер. с фр. Марковой Ю.В. / Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб. Алетейя.
2. Вдовина И.С. 2008. М. Мерло-Понти: философия плоти и проблема социального // История философии. Вып. 13. / Отв. ред. И.И. Блауберг. М.: ИНФРАН.
3. Гелен А. 1988 [1963] О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, С. 152-201.
4. Гофман И. 2000 [1959] Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: «КАНОН-пресс».
5. Гофман И. 2001 [1963] Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6) // Социологический форум [Электр. ресурс] Режим доступа: <http://ecsocman.edu.ru/text/17687311/> (дата обращения 15.02.2012)
6. Гуссерль Э. 1986 [1935] Кризис европейского человечества и философия [Электр. ресурс] Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_cris.html (дата обращения 15.02.2012)

7. Круткин В.Л. 1997. Телесность человека в онтологическом измерении // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 143-151.
8. Мерло-Понти 1999 [1945] М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — СПб.: Ювента; Наука.
9. Мосс М. 2011 [1934] *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии* / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ.
10. Романовский Н.В. 2006. Тело человека – новые горизонты социального познания? // *Социологические исследования*. № 4. С. 16-25.
11. Тёрнер Б. 1994 [1993] *Современные направления развития теории тела* // *THESIS* 1994, вып. 6. С.137-167
12. Фуко М. 1999 [1975]. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: «Ad Marginem».
13. Шелер. 1988 [1928]. *Положение человека в космосе* // *Проблема человека в западной философии: Переводы*. М.: Прогресс, С. 31-95.
14. Шматко Н.А. 1998. «Габитус» в структуре социологической теории // *Журнал социологии и социальной антропологии*, том 1, №2, С. 63
15. Энтуисл Дж. 2007/2008 зима [2000] *Мода и плоть: одежда как воплощенная телесная практика* // *Теория моды* №6, С. 96-130.
16. Bourdieu, Pierre. 1992. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge.
17. Douglas, Mary. 1996 [1970]. *Natural symbols: exploration in cosmology*. Second edition. London: Routledge.
18. Howson, Alexandra, and David Inglis. 2001. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought. *The Sociological Review* 49 (4) (August): 297-317.
19. Shilling, Chris. 2003 [1993]. *The Body and Social Theory*. Second edition. London: Sage Publications.
20. Turner, Bryan Stanley. 1992 [1984]. *The Body and Society: explorations in social theory*. London: Sage Publications Ltd.

РАЗДЕЛ 4

ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ:
АКТУАЛЬНОЕ
ПРОЧТЕНИЕ

Питирим Сорокин в поле публичной активности: прошлое и настоящее¹

Ксения Павловна Лазебная

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

В своем президентском обращении к ежегодному собранию Американской Социологической Ассоциации в 1965 году Питирим Сорокин описывает социологию будущего как науку интегралистского характера, стремящуюся к объяснению социального мира через понимание многообразия его измерении. Тенденция к генерализации и интеграции социологического знания, по мнению Сорокина, должна в результате способствовать «увеличению знания всего надорганического человеческого мира»². Если учесть тот факт, что научная деятельность Сорокина всегда сопровождалась привлечением внимания широкой общественности к насущным социальным проблемам, возможностям их переосмысления и разрешения, то прогноз Сорокина нашел в некоторой мере отражение в идеях современной публичной социологии. А сам Сорокин может быть назван идеальным образцом публичного социолога³, чья научная, общественная и личная деятельность всегда имели тесные связи⁴. Идеи Сорокина, изложенные в теоретических научных и публицистических работах, проявлялись не только в научной, но и в его гражданской деятельности. Публичная активность Сорокина, как на родине, так и зарубежом, всегда была связана с его желанием быть не только услышанным научным сообществом, но и полезным обществу в целом⁵.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации» программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 15-05-0012.

² Sorokin P. Harvard University. *Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow* // *American Sociological Review*, December 1965, Vol. 30. № 6. P. 838.

³ Jeffries V., *The Scientific System of Public Sociology: The Exemplar of Pitirim A. Sorokin's Social Thought* // *Handbook of Public Sociology* / edited by Jeffries V. - Rowman & Littlefield Publishers, 2009. P. 107.

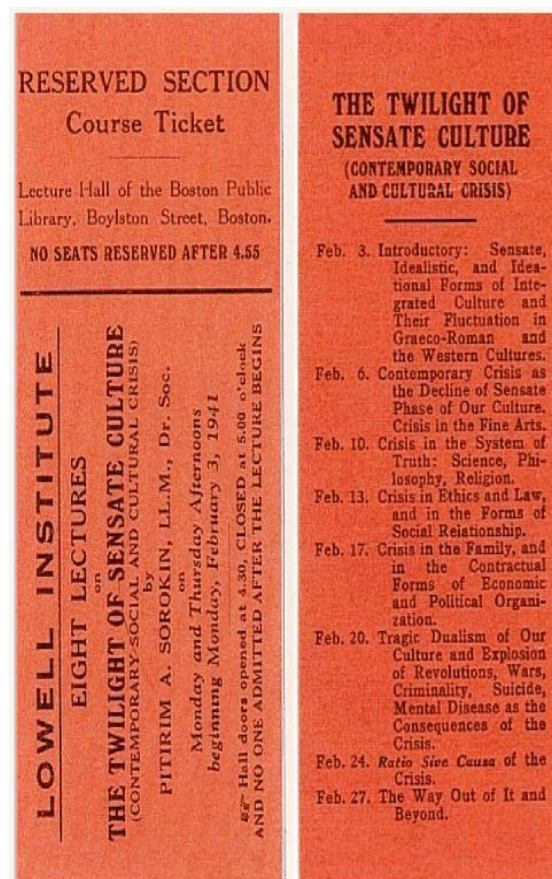
⁴ См.: Lawrence T. Nichols. *Science, politics and moral activism: Sorokin's integralism reconsidered.* // *Return of Pitirim Sorokin. International Kondratieff foundation.* - М., 2001. - P. 217-237; Ponomareva I. *Pitirim A Sorokin: The interconnection between his life and scientific work* // *International Sociology*. November 2011. Vol. 26, № 6. Pp. 878-904.

⁵ В первую очередь, о подробностях публичной деятельности и ее связи с частной жизнью Сорокина и его семьи мы можем узнать из биографического романа «Дальняя дорога» (См.: сорокин П.А. *Дальняя дорога: Автобиография* / Питирим Сорокин; Пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А. В. Липского. – М.: Изд. центр "Терра": Моск. Рабочий, 1992.). В этой связи представляет интерес одноименный документальный фильм о судьбе Сорокина из серии «Слово и Дело», посвященной исследованию судеб и взглядов русских мыслителей (2003-2004 год, автор сценария и ведущий Вадим Царев. (См.: Телеканал «Культура» Слово и Дело <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=7212&cid=p>)

В период написания своих первых фундаментальных работ в области общей социологии в России (1914 – 1922)¹ Сорокин принимает участие в революционных событиях, к которым не может оставаться равнодушным. Стремительное изменение социальных реалий, политические и экономические изменения, гражданская война, голод, смерть и массовые кровопролития провоцируют появление сорокинских статей, в которых острые темы «на злобу дня» излагаются им не только с социологической, но и с моральной точки зрения настоящего патриота своей отчизны. Среди тем, которые затрагивает Сорокин: критика и противостояние деятельности большевиков, национальные вопросы, революция, влияние голода и бедствий на развитие личности и общества и др.²

Революционные события в России Сорокин переосмысливает на страницах своих последующих книг, посвященных социологии революции, а также влиянию голода, войн и социальных бедствий на общественный порядок и развитие личности³.

Патриотический дух не оставляет Сорокина на протяжении всей его жизни, даже после успешной научной карьеры в США, куда он эмигрирует после избежания смертной казни и высылки из России в связи со своей активной деятельностью в качестве ярого противника режима большевиков. Он продолжает интересоваться происходящими событиями на родине и публикует ряд работ о США и СССР - двух мировых державах, оказавших значительное влияние на жизнь ученого и формирование его

Билет на лекции Сорокина в Институте Лоуэла, февраль 1941. Материалы этих лекций легли в основу работы "Кризис нашего времени".
Источник: pitirim.org

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П.А. Сорокин; с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. - М.: Астрель, 2006 (1914); Сорокин П.А. Система социологии / П.А. Сорокин; вст. статья и комментарии В.В.Сапова. - М.: Астрель, 2008 (1920).

² См.: Сорокин П.А. Причины войны и пути к миру // Прив.-доц. Питирим Сорокин. Петроград: Н.Н. Карбасников, 1917; Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. - СПб.: Алетейя, 2000; Сорокин П.А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. и др.

³ См.: Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ.М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. - М.: Academia; LVS, 2005 (1941); Сорокин П.А. Забытый фактор войны // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 3-12; Sorokin P. CRISES OF OUR AGE. New York: Dutton, 1941. Sorokin P.A. Man and society in calamity: The effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life. - N.Y.: Dutton, 1942 (рус.пер. 2012) и др.

взглядов¹. В обеих странах его идеи находили отклик, как в научных, так и в общественных кругах. «Начало профессиональной социологии в России, у истоков которой стоял Питирим Сорокин, было непосредственно связано с образовательной практикой среди различных общественных групп. Социология в начале века в России привлекала внимание самых широких слоев населения. Отсутствие нынешней информационной среды приводило к тому, что лекции на социологические темы были такими же востребованными как театральные представления. Питирим Сорокин являлся регулярным участником публичных лекций в Вологде, собирая полные залы, защита его докторской диссертации в Петрограде была публичным событием, собравшим большое количество самой разной публики. Позднее, в эмиграции в Праге и Берлине лекции на социологические темы были чрезвычайно популярны и сопровождались объявлениями в периодической печати. Продолжая образовательную традицию Сорокиным, наряду с другими учеными обществоведами, были записаны магнитные пленки с лекциями об альтруизме, кризисе модернизма (на основе Социальной и культурной динамики) и другие. Запись была сделана компанией World Campus в Калифорнии и распространялась через сеть книжных магазинов»².

Вторым исторически событием, оказавшим значительное влияние на мировоззрение Сорокина, стала Вторая Мировая Война. Большинство сорокинских работ того времени связаны с состоянием общемирового кризиса гуманизма и упадка чувственной культуры³. Следует обратить внимание также на общественную деятельность семьи Сорокиных, которые вместе с видными общественными деятелями (Э. Рузвельтом, А. Эйнштейном, Ч. Чаплином, С. Рахманиновым и другими) принимали активное участие в работе Фонда помощи воюющей России (Russia War Relief, Inc. USA)⁴.

Отметим, что любая идея Сорокина, так или иначе, находила свое отражение в публикациях адресованных широкому кругу читателей. Его позиция в этом вопросе была обоснована уверенностью в том, что научное исследование должно найти свое практическое применение. Первым шагом к достижению данной цели является распространение научного знания в публичной сфере, для которой работы Сорокина всегда сохраняют свою актуальность. Например, следует отметить самые первые работы Сорокина 1913 года, изданные в серии Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь». Они были написаны в публицистической форме и посвящены социальным аспектам самоубийства, преступности, роли символов в жизни общества,

¹ См.: Sorokin P.A. RUSSIA AND THE UNITED STATES. New York: Dutton, 1944; Сорокин П.А. Общие черты и различия между Россией и США // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 133-145. И др.

² Общественная социология // ПИТИРИМ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pitirim.org/index.php/theories-pitirim-sorokin/public-sociology> (Дата обращения к ресурсу 9.04.12).

³ См.: Sorokin P. CRISES OF OUR AGE. New York: Dutton, 1941; Sorokin P.A. EXPLORATION IN ALTRUISTIC LOVE AND BEHAVIOR; A SYPOSIUM. Publications of the Harvard Research Center in Altruistic Integration and Creativity. Boston: Beacon Press, 1950 и др.

⁴ Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Центр "Наследие" имени Питирима Сорокина. - Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011.

многомужеству и многоженству¹. В дальнейших работах Сорокина (1922 – 1967) нашли отражение и оценку, например, такие социальные явления как сексуальная революция, кризис семьи, проблемы общества массового потребления и прочие².

Последние десятилетия профессиональной деятельности Сорокина, 50 - 60-е годы XX века, были посвящены изучению возможности преобразования общества посредством морального, нравственного и духовного преобразования человека, как проводника-символа, способного к появлению бескорыстного альтруизма по отношению не только к людям своей семьи, города, нации, но к любому нуждающемуся в помощи и поддержки. Сорокин начинает глубокое изучение феномена социальной солидарности, альтруизма и, связанных с этими явлениями, ценностей Любви, Красоты и Добра. Он публикует ряд работ ставших классическими по социологии любви, социальной солидарности и альтруизму³ и в 1949 году организует «Гарвардский исследовательский центр по изучению созидательного альтруизма» на базе одноименного университете, в котором в 30-х годах занимался созданием социологического факультета.

В последние годы научная и, что в данном контексте следует особенно отметить, публичная деятельность Сорокина продолжает находить последователей во всем мире, основная задача которых заключается в сохранении, передаче и распространение не теряющих актуальность знаний, содержащихся в книгах Сорокина.

В 2010 году Республику Коми (родину Сорокина) посещает японец Кобе Митикуни Оно, почетный профессор университета Киото Татибана. В рамках проекта Японского общества продвижения науки он проводит исследование «Возможности культурной социологии: Питирим Сорокин»⁴. Не теряют актуальность работы Сорокина по изучению феномена любви и

Значки на Ежегодной Конференции Американской Социологической Ассоциации, Калифорния, август 1969 (Сорокин занимал пост президента АСА с 1964 - 1968)

¹ См.: Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека "Наука и жизнь"; № 9); Сорокин П.А. Преступность и ее причины. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека "Наука и жизнь"; № 22); Сорокин П.А. Брак в старину: Многомужество и многоженство. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека "Наука и жизнь"; № 26)

² См.: Sorokin P. S.O.S.: THE MEANING OF OUR CRISIS. Boston: Beacon Press, 1951; Sorokin P.A. SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS. Vol. 4. New York: Bedminster Press, 1941; Sorokin P. THE AMERICAN SEX REVOLUTION. An Extending horizons book. Boston: P. Sargent, 1956. и др.

³ Sorokin P.A. THE WAYS AND POWER OF LOVE. 1st Gateway ed. Chicago: H. Regnery, 1967; Sorokin P.A. THE RECONSTRUCTION OF HUMANITY. 1st ed. Bhavan's book university, 54. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1958. (Fist published Boston: Beacon Press, 1948)

⁴ Сорокина помнят в Японии (о визите в Республику Коми японского социолога) // Информационный портал «Питирим Сорокин». Режим доступа: <http://www.pitirimsorokin.org/component/content/article/1-2009-09-30-15-48-15/94-2010-09-15-08-51-38.html> Дата обращения: 12.04.2012).

альтруизма, что подтверждается, например, работой американских исследователей Джеффа Левина и Бёртана Каплана «Сорокинская многомерная матрица проявлений любви: разработка, верификация и религиозные детерминанты»¹. В конце 2011 года в Италии выходит книга социолога Валерио Мерло «Чудо человеческого альтруизма»². В России активный интерес проявляется к исследованиям Сорокина относительно кризисных состояний социокультурных систем и цивилизационной динамике. Например, данные исследования используются в качестве теоретической базы во многих направлениях научной работы Ю. В. Яковца³ и возглавляемой им ассоциации «Прогнозы и циклы». К таким направлениям относятся: развитие теории циклов и кризисов применительно к условиям конца XX – начала XXI веков; формирование основы методологии интегрального макропрогнозирования; проблемы инновационного обновления общества и др.⁴.

Наследие Сорокина становится вкладом в развитие современного этапа социологической науки, в том числе, и в области публичной сферы. Глубокое переосмысление роли Сорокина в качестве публичного социолога, основанное на ключевых положениях публичной социологии Майкла Бурового, осуществляет на сегодняшний день Винсент Джеффрис⁵. В рамках организованной им секции в Американской Социологической Ассоциации (первое заседание секции состоялось в августе 2011 года) происходит «реинкарнация» и переосмысление многих идей Сорокина, в том числе относительно значения общественной деятельности в области развития созидательного альтруизма и социальной солидарности⁶.

¹ Levin J., Kaplan B.H. The Sorokin Multidimensional Inventory of Love Experience (SMILE): Development, Validation, and Religious Determinants // Review of Religious Research. - N.Y., 2010. - Vol. 51, N 4. - P. 380-401; 2012.03.007 ЛЕВИН Дж., КАПЛАН Б. СОРОКИНСКАЯ МНОГОМЕРНАЯ МАТРИЦА ПРОЯВЛЕНИЙ ЛЮБВИ: РАЗРАБОТКА, ВЕРИФИКАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ (реф. А. Ю. Долгов) Levin J., Kaplan B.H. The Sorokin Multidimensional Inventory of Love Experience (SMILE): Development, Validation, and Religious Determinants // Review of Religious Research. - N.Y., 2010. - Vol. 51, N 4. - P. 380-401. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2012. № 3. С. 110-115.

² См.: Valerio Merlo. Il miracolo dell'altruismo umano. La sociologia dell'amore di P. A. Sorokin. Roma: Armando Editore, 2011; Сорокина помнят в Японии (о визите в Республику Коми японского социолога) // Информационный портал «Питирим Сорокин». Режим доступа: <http://www.pitirimsorokin.org/component/content/article/1-2009-09-30-15-48-15/94-2010-09-15-08-51-38.html> Дата обращения: 12.04.2012).

³ Юрий Владимирович Яковец, д.э.н., профессор, Президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и Ассоциации «Прогнозы и циклы», председатель Отделения исследования циклов и прогнозирования Российской академии естественных наук, член Всемирной федерации исследования будущего. Список основных публикаций: <http://www.associaciya.newparadigm.ru/assosiac4.htm>

⁴ Результативность работы ассоциации связана не только с теоретической разработкой обозначенных направлений, но и носят прикладной, рекомендательный характер. (См. Яковец Ю.В. Проект концепции Федерального закона о прогнозировании, стратегическом планировании и национальном программировании. Доклад к Междисциплинарной дискуссии. М.: РАГС, 2007 и др.)

⁵ Винсент Джеффрис, Ph.D., профессор социологии в Университете Калифорнии (США).

⁶ См.: Лазебная К.П. Интерпретация жизненного пути П. А. Сорокина в поле публичной активности и применение его теории символического в осмыслении механизмов построения социальной солидарности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: РОС, 2012. — 1 CD ROM. С. 7954 – 7964.

На страницах выпускаемого секцией информационного электронного издания¹ данные идеи Сорокина обсуждаются и подвергаются анализу. Под редакцией Джеффриса в 2009 году выходит «Пособие по публичной социологии», некоторые главы которого посвящаются научной и общественной деятельности Сорокина². Так, например, по мнению Джеффриса, опирающегося в своем суждении на проект публичной социологии Бурового, Сорокин является первым публичным социологом, в работах которого присутствует органичное сочетание социологии профессиональной, критической, политической и публичной³. Во многом данное заключение основано на подробном анализе Джеффриса онтологических и эпистемологических оснований сорокинского интегрализма и его связи с идеями современной публичной социологии⁴.

Распределение избранных работ Сорокина по данным четырем типам проекта Бурового совершает Лоуренс Николс, анализируя возможность сопоставления холистической социологии Бурового и интегрализма Сорокина⁵:

<i>Burawoy's Holistic Sociology and Sorokin's "Integralism"</i>		31
Table 2.1. Sorokin's Works (Selected) and Burawoy's Typology		
Professional Sociology		Policy Sociology
<i>A System of Sociology</i> (1920)		"The New Soviet Codes and Soviet Justice" (1924)
<i>Hunger as a Factor in Human Affairs</i> (1922)		"Is Accurate Social Planning Possible?" (1936)
<i>Sociology of Revolution</i> (1925)		<i>Reconstruction of Humanity</i> (1948)
<i>Social Mobility</i> (1927)		<i>Ways and Power of Love</i> (1954)
<i>Principles of Rural-Urban Sociology</i> (1929)		<i>Power and Morality</i> (1959)
<i>A Systematic Sourcebook in Rural Sociology</i> (1930–1932)		
"Social Time" (1937)		
<i>Social and Cultural Dynamics</i> (1937–1941)		
<i>Man and Society in Calamity</i> (1942)		
<i>Sociocultural Causality, Space, Time</i> (1943)		
<i>Society, Culture and Personality</i> (1947)		
<i>Explorations in Altruistic Love and Behavior</i> (1950)		
<i>Ways and Power of Love</i> (1954)		
Critical Sociology		Public Sociology
<i>Contemporary Sociological Theories</i> (1928)		"Notes of a Sociologist" (1917)
"Sociology as a Science" (1931)		<i>Crisis of Our Age</i> (1941)
"Declaration of Independence of the Social Sciences" (1941)		<i>Russia and the United States</i> (1944)
<i>Social Philosophies of an Age of Crisis</i> (1950)		<i>Reconstruction of Humanity</i> (1948)
<i>Fads and Foibles in Sociology</i> (1956)		<i>Altruistic Love</i> (1950)
"Reply to My Critics" (1963)		<i>S.O.S.: The Meaning of Our Crisis</i> (1951)
"The Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow" (1965)		"Amitology" (1951)
<i>Sociological Theories of Today</i> (1966)		<i>Forms and Techniques of Altruistic & Spiritual Growth</i> (1954)
		<i>American Sex Revolution</i> (1956)
		<i>Power and Morality</i> (1959)
		<i>Basic Trends of Our Time</i> (1964)

¹ NEWSLETTER OF THE ALTRUISM & SOCIAL SOLIDARITY. SECTION-IN-FORMATION OF THE AMERICAN SOCIOLOGICAL ASSOCIATION. 2009: Volume 1, 2010: Volume 2, 2011: Volume 2, 3. Режим доступа: <http://www.csun.edu/~hbsoc126/> (Дата обращения к ресурсу: 12.04.2012)

² Handbook of Public Sociology / edited by Jeffries V. - Rowman & Littlefield Publishers, 2009. Ch. 1, 2, 6.

³ Jeffries V. The Scientific System of Public Sociology: The Exemplar of Pitirim A. Sorokin's Social Thought // Handbook of Public Sociology / edited by Jeffries V. - Rowman & Littlefield Publishers, 2009, p. 107.

⁴ Jeffries V. Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology // The American Sociologist Fall/Winter 2005, Volume 36, Issue 3-4, pp 66-87.

⁵ Nichols L.T. Burawoy's Holistic Sociology and Sorokin's "Intergalism" // Handbook of Public Sociology / edited by Jeffries V. - Rowman & Littlefield Publishers, 2009, p. 30 - 32.

В. Джеффрис, наряду с М. Буравым, Л. Николсом, Е. Тириакияном и сыном Сорокина – Сергеем Сорокиным является членом наблюдательного совета Фонда Питирима Сорокина, основанного в 2011 году в Винчестере (штат Массачусетс, США). Одними из приоритетных задач Фонда являются популяризация научного творчества Питирима Сорокина и помощь в проведении благотворительных, научных и образовательных мероприятий в рамках популяризации творчества Питирима Сорокина. Активную работу по выполнению данных задач ведет Павел Кротов, исполнительный директор Фонда. При его содействии за последние несколько лет вышли в свет следующие издания, иллюстрирующие активную деятельность Сорокина и его семьи в публичной сфере: «Питирим Сорокин: избранная переписка» и «От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина»¹.

Данные книги увидели свет также благодаря Центру имени Питирима Сорокина - "Наследие" (г. Сыктывкар, Республика Коми), созданному при поддержке правительства республики. Одной из приоритетных задач Центра является издание первого в мире полного собрания сочинений Сорокина (около 30 томов), подготовкой которого последние десять лет занимается известный российский исследователь Вадим Сапов, автор статей о Сорокине, переводов и редакции сорокинских книг, впервые вышедших в России и переизданных в течение последних двух десятилетий².

В этой связи следует отметить, что в 2012 году вышло в свет первое издание на русском языке³ книги Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и

Обложка первого русскоязычного издания книги Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий...» (2012)

¹ Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П. П. Кротова. - Вологда: Древности Севера, 2009; Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Центр "Наследие" имени Питирима Сорокина. - Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011.

² Сапов В.В. "Зырянский заповедник" // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 118-120; Сапов В.В. "Магический кристалл" социологии // Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В.Сапова. - М.: Астрель, 2006. С.3 – 18; Сапов В.В. В начале "длинного пути" // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вст. статья и комментарии В.В.Сапова. - М.: Астрель, 2006. С.3 – 38; Сапов В.В. Питирим Сорокин: моментальный снимок на фоне России и Америки // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 140 - 143. и др.

³ Ранее были изданы некоторые главы: Сорокин П.А.: Человек и общество в бедствии: (Влияние войн, революций, голода и эпидемий на сознание и поведение человека, соц. орг. и культ. жизнь): Гл. из кн. // арма.-№2-3.-С.40-58; Пульс-информ.- 1991. №4.-С.22-31; Человек и общество в условиях бедствия: Фрагм. кн. // Вопр. социол. 1993 -№3.-С.53-59; Человек и общество в бедствии: Гл. 1, 2 // Арт. 1998 -№3.-С.6-28.

поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь»¹. Комментарии и вступительная статья подготовлены Саповым, также как и перевод, выполненный по оригинальному англоязычному изданию 1942 года. Данная книга, выполненная с присущим Сорокину интегралистским видением социальной реальности, содержит в себе значительный потенциал для исследований в области публичной социологии и является одним из первых фундаментальных исследований подобного рода середины XX века.

Таким образом, на сегодняшний день можно наблюдать за постепенной «реинкарнацией» идей Сорокина как в России, так и зарубежом. Этот процесс сопровождается:

- появлением новых переводов и переизданием работ Сорокина;
- переосмыслением научного наследия и деятельности Сорокина как публичного социолога;
- активностью различных профессиональных организаций, сохраняющих, распространяющих и популяризирующих идеи Сорокина.

<http://pitirim.org/> - наиболее информативный на сегодняшний день русскоязычный Интернет - ресурс о Питириме Сорокине, содержащий весь объем доступной медийной информации об идеях и работах Сорокина, его жизни, современных публикациях и исследованиях. Организатор: Фонд Питирима Сорокина (США, Винчестер)

¹ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. – СПб.: Мир, 2012. – 336 с. – ISBN 978-5-98846-093-0.

РАЗДЕЛ 4

ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ:
АКТУАЛЬНОЕ
ПРОЧТЕНИЕ

Концепция «технографии»: использование этнографических подходов в социологическом описании

Елена Анатольевна Горячева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Происходящие в современных науках междисциплинарные изменения, обусловленные объединением различных исследовательских направлений ввиду сближения исследовательских целей приводит к формированию не только смежных дисциплин, но и новых концепций на стыках этих дисциплин. Фрагментация нового зарождающегося поля междисциплинарных исследований происходит во многом не вокруг исследовательских предметных методологий, как это происходило ранее в рамках классических предметных областей, а вокруг объектов исследований, сосредотачивающих сегодня на себе повышенное внимание всех социальных ученых. Такими объектами сегодня становятся техника и технологии, а также связанных с ними социальные и культурные повседневные практики. Таким образом, сегодня теоретико- методологический поиск в социальных науках фокусируется на объяснительных моделях, концепциях, которые смогли бы стать адекватным инструментом перцепции изменений, происходящих в социо-культурной реальности, которая уже немыслима без технических вещей и опосредуемых ими повседневных форм взаимодействий и практик обращения с ними.

Так, например, тенденция сближения социологии с антропологией имеет глубокие корни: ещё в начале XX века быстрая индустриализация и урбанизация породила методологический вызов, на который чикагская социологическая школа нашла ответ в антропологической методологии. Именно к чикагской школе восходит применение в социологии антропологических методов включенного наблюдения, «вживания» в роли изучаемых объектов. Эта школа подчеркивала важность включения социального исследователя в жизнь объекта, то есть в ее рамках был создан жанр этнографического описания современной городской жизни, что помогло социологии расширить методологический арсенал. [2] Сегодня некоторые исследователи позиционируют свои исследования в качестве медиа антропологии [17], другие говорят о необходимости публичной этнографии [18], инновационной этнографии медиа [15], признают, что рассматриваемые ими проблемы выходят за предметные области антропологии расширяются под воздействием изменения культурных и социальных практик взаимодействия людей с техническими средствами коммуникации.

Одна из общих проблем, стоящих одновременно перед социологией и антропологией одновременно, это новый объект исследования – социум под воздействием техники и технологий, и он

требует своего исследователя, вооруженного как методологическими, так и теоретическими наработками. Формируются направления, призванные если не решить, то хотя бы наметить путь для дальнейших исследований нового объекта. Такие направления как антропология современного технологического мира определяют новые демаркации предметного поля социальных наук. И вслед за новаторскими работами Марка Оже («Ничейное место», «Этнолог в метро», «Смыслы Других» и др.) появилось множество исследований феноменов повседневности, новой социальной реальности. Сегодня, как и во время работы чикагской школы, в социологии активно используются антропологические методы, привлекаются разнообразные теоретические основания для формирования новых подходов.

Так, на рубеже XX и XXI века, в междисциплинарной плоскости, формируемой социологией и антропологией в работах западных и не западных авторов происходит формирование направления, которое условно может быть охарактеризовано как «технография». Данный концепт в работах данных авторов являет собой попытку рефлексивного схватывания уже имеющихся социальных и культурных практик «распространения, использования технологий, технически сложных вещей» [1] Однако, термин «технография» в несоциологической литературе имеет и иные коннотации. Так, на данный момент существует порядка ста определений термина «технография» в различных интернет-словарях, большая их часть связана с описанием и изучением истории техники и различных ремесел. [14] Также встречаются более узкоспециализированные определения, например «технография - это связанный с компьютерами вспомогательный метод по организации разговоров с целью сделать их более продуктивными». [13] Существуют и более узкие определения данного феномена, например, понятие «технография» встречается в контексте изучения интернет-аудитории, а также других интернет-исследований: так, описание различий между двумя категориями пользователей - Apple и Dell носит распространённое название «социальная технография». [12] Ввиду того, что «социальная технография» имеет целью описывать некоторые социально значимые характеристики определенных социальных групп в зависимости от характера используемых ими технологий, можно отметить, что такое стихийно употребленное словосочетание имеет наибольшую схожесть с внутренним содержанием концепта «технографии», который разрабатывается в работах ряда авторов, рассматриваемых в данной статье.

Формирование «технографии» в качестве рефлексивной концептуальной схемы описания практик взаимодействия с техникой необходимо рассмотреть на примере работ авторов, которые рассматривают данную схему в преломлении на социологическое поле социокультурных практик.

Данные рассуждения можно рассмотреть в первую очередь на основе работ Себастьяна Уреты и Гранта Киена. Себастьян Урета окончил социологический факультет Католического Университета в Чили, получил PhD в Лондонской Школе Экономики, его научным руководителем был Роджер Сильверстоун. В настоящее время задействован в работе Антропологической Сети (EASA Media Anthropology Network) [16], на сайте которой он не только публикует

свои работы в качестве члена данной сети, но и участвует в активных обсуждениях собственных публикаций, а также других активных участников проекта в формате электронных семинаров (e-seminars), которые касаются работ, посвященных медиа антропологии и медиа технологий. [17]

Особое внимание в рамках рассматриваемой проблемы стоит уделить двум его исследованиям, посвященным изучению практик использования мобильного телефона и практик размещения телевизора в домах семей в г. Сантьяго, Чили. В работе «Locating the TV: Television placement and the reconfiguration of space in low-income homes in Santiago, Chile» [9] С. Урета рассматривает проблему символического и практического размещения телевизора в качестве объекта материальной культуры в домах семей с низким доходом. Семьи, являющиеся объектом его исследования, недавно переселились из трущоб в новый жилой комплекс, и С. Урета интересуется, каким образом изменятся их практики размещения телевизоров в их новых домах. В другой работе «Mobilizing Poverty?: Mobile Phone Use and Everyday Spatial Mobility Among Low-Income Families in Santiago, Chile» [10] Урета рассматривает на примере тех же семей процесс изменения практик использования мобильного телефона в их повседневной жизни в связи с переездом. В обеих работах С. Урета не случайно выбирает именно технические и медийные средства, потому что именно практики, связанные с ними репрезентуют социальные изменения в век глобализации и всеобщей мобильности.

С. Урета утверждает, что в связи с переездом в новое жильё, телевизор приобретает для этих небогатых семей роль главного символа благосостояния, выраженного в материальной культуре, поэтому изучение практик его размещения очень важно для понимания самооценки жителями своего социального положения. Наличие телевизора символизирует «нормальное» социальное положение семьи, ее приближенность к другим семьям рабочего класса, которые уже давно проживают в квартирах. Он пишет: *«Переезд в квартиру жилого комплекса воспринимается большинством как то, что они все еще являются рабочим классом, однако в другом виде, в виде «нормального» рабочего класса живущего в городе»*. [9]

Так, феномен догоняющего потребления для этих семей связан с практиками использования телевизора. Телевизор формирует новые зоны домашнего пространства как в качестве материального объекта (приватные зоны), так и в качестве символически значимого объекта (публичные зоны), что важно для семей в их стремлении достичь положения «нормальной» семьи, завоевать определенный социальный статус, добиться престижа в глазах соседей.

С. Урета проводит различия между тем, какое символическое значение привносит телевизор в различных частях дома, выделяет эти части: публичная часть дома и приватная, личная. Таким образом, С. Урета проводит глубинные интервью с жителями и выясняет, что практики размещения и использования телевизора в этих частях дома символически и функционально различаются. «Публичные» (официальные) пространства формируются по большей части из гостиных, прихожей и центрального коридора, соединяющего все комнаты в доме. Здесь принимают гостей, и данные пространства

обычно более декорированы, украшены. Здесь наиболее важно именно символическое значение телевизора, а его функциональное значение сводится нивелируется, потому что многие интервьюируемые отмечают, что включать телевизор во время приема гостей – невежливо, это мешает общению. Однако, по мнению опрошенных, социальное окружение обязательно должно оценить наличие самого телевизора в гостиной, это подчеркивает принадлежность к «нормальному» образу жизни, который свойственен рабочему классу, как считают сами интервьюируемые. С. Урета делает вывод, что в данном пространстве телевизор не важен в качестве функционального объекта, но важен как материальный символ: *«Телевизор в ритуальном месте высоко ценим не как медиа технология, ресурс развлечения и информации, но, помимо всего, как материальный символ».*[9]

В «публичном» пространстве также важно ритуальное значение телевизора: обычно здесь он занимает центральное место, а также всегда устанавливает соответствия между окружающими его вещами, то есть формирует порядок расположения материальных вещей. Второй вид пространств, которые выделяет С. Урета – «приватные», не предназначенные для гостей. Они состоят из функциональных мест: кухни и спальни. Символическое значение телевизора не важно, также здесь редко используют телевизор по назначению, потому что *«кухни и другие функциональные места достаточно малы и часто переполнены, и расположение в них телевизоров выглядит невозможным для большинства этих семей».* [9] Опрашиваемые отмечают, что они предпочитают телевизор радио в данных пространствах. В спальнях часто есть телевизор, однако он здесь в качестве функциональной вещи. Респонденты говорят, что он может мешать нормальной жизни супругов, мешать сну детей. *«Контрастируя с почти сакральным статусом, которые они имеют в своих гостиных, заметим экстремальную простоту телевизора, расположенного в спальне. Здесь нет украшений, и телевизор частично накрыт тем, что похоже на ракетку для детской игры, развернутой к не заправленной кровати, покрытой горами одежды».* [9] Интимные пространства, также являющиеся «приватными», состоят двух ванных комнат: эти пространства для жильцов и для некоторых близких друзей. Телевизор здесь также не нужен.

Работы С. Уреты, а также интерес к работе со стороны различных специалистов показывает, как широко может применяться этнографический подход, в том числе и для изучения повседневных практик, связанных с техникой и технологиями. Хоть Себастьян Урета проводит свои исследования в жанре «медиа этнографии», они по своему предмету схожи с проектами, которые предлагают другие исследователи новой технологической реальности в качестве технографических. Также важно отметить, что С. Урета исследует те медиа технологии (телевизор, телефон), которые сегодня уже являются повсеместными, даже устаревшими, однако использованная им методология могла бы помочь в разработке подходов к изучению современных практик использования новых мобильных технологий, исследование которых только начинают разворачиваться в социологии и смежных науках. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в междисциплинарном дискурсе не существует преград для

формирования новых направлений, в том числе для формирования «технографии», которую Г. Киен заявляет в качестве основополагающего направления своих исследований, надеется на ее расширение и продолжение.

Интересно рассмотреть критику, публикуемую в рамках электронных семинаров, которую норвежский антрополог Джо Хелли – Валли (Jo Helle – Valle) адресует С. Урете, упрекая его в том, что его исследование нельзя назвать этнографическим ввиду того, что он не использует метод включенного наблюдения (классический метод антропологии), а опирается лишь на глубинные интервью с семьями в Чили, использующими мобильные телефоны и телевизоры [9]. Однако С. Урета считает, что его исследование этнографическое «скорее по духу», и не считает что его полностью стоит относить к чистой этнографии. Таким образом, он не видит причин для того, чтобы расширить методологическое поле этнографии, использовать в том числе и социологические методы. Таким образом, С. Урета признает, что его работы являются междисциплинарными, поисковыми, что отражает тенденцию к сближению социальных, культурологических и этнографических исследований.

Также в рамках электронного семинара стоит обратить внимание на комментарий Сюзан ДиДжиакомо (Susan DiGiacomo) из Массачусетского университета (Universitet of Massachusetts). Она спорит с Джо Хелли – Валли о его понимании методологии этнографии применительно к работе С. Уреты. Сюзан отмечает, что если под «полем» этнографического исследования понимать удаленное от дома место, где мы «открываем Другого», то в современном западном обществе постмодерна вряд ли большинство исследователей сможет найти такое поле. Поэтому, по ее мнению, обвинение в неортодоксальном понимании этнографической методологии не имеет под собой основания. [9]

Сюзан затрагивает проблему глобализации в практиках использования технологий, и ту же проблему будет рассматривать Грант Киен (Grant Kien) в работе «Global Technography: Etnography In The Age Of Mobility» [5], в которой Г. Киен обсуждает необходимость переопределить понятие поля в этнографическом исследовании. Грант Киен, доцент кафедры исследований коммуникаций (Department of Communication Studies) в Калифорнийском университете в Ист Бэй (California State University East Bay) вместе с его бывшим студентом Норманом Дезином (Norman Dezin) представляют новую методологию изучения беспроводной мобильности. [5]

Элисон Повелл в рецензии на работу Г. Киена отмечает, что автор ищет философские и теоретические основания для формирования новой методологии, которая призвана изучать новую, технически опосредованную мобильность, искать ключевые смыслы для их понимания, а также природу социальных отношений, опосредованных современными технологиями. Повелл отмечает, что Г. Киен в своих взглядах достаточно радикален и предлагаемая им «технография» в качестве глобальной этнографической методологии. Повелл отмечает, что «технография» в работе Г. Киена показана на примерах глобальных ситуаций повседневных практик, объединяющих социокультурный, онтологический и технологический аспекты. На примере собственного

опыта Г. Киен демонстрирует как такие категории, как «принадлежность», «дом» и «любовь» технически опосредуются в повседневной жизни. [7]

Г. Киен описывает, развивает и иллюстрирует примерами методологию, которую он называет «Глобальной Технографией». Г. Киен пишет, что был вынужден изобрести данную методологию в процессе чтения курса, в котором он объяснял широкий социальный феномен мобильности в контексте глобальной сети, медиа и повседневного взаимодействия (performances) человеческих акторов и медиа технологий, которые совместно и создают то, что является нашим жизненным опытом. Действуя в рамках традиционной этнографической методологии, Г. Киен постарался найти и определить физическое поле исследования и в этом поиске и появилась концепция «технографии».

В более ранней работе Г. Киена можно найти его рассуждения по поводу изобретении самого термина «технография» [4]: он пишет, что хотел бы исследовать этнографию технологий, и данный термин пришел ему в голову, когда он пытался придумать название такой этнографии, которая бы изучала технологии в повседневных социальных ситуациях. [4] Г. Киен не считает себя изобретателем «технографии», отмечая, что он лишь «переизобрел» его, и изначально данный термин появляется в антропологической литературе еще в XIX веке. «Технография» – это «конкретные формы бытования технологий и «технологичных» вещей в повседневной жизни» [4], и некоторые исследователи полагают, что «технографию», предлагаемую Г. Киеном и другими авторами, необходимо рассматривать прежде всего как метод, а не как самостоятельную предметную область, концепцию. [1] В нашем случае интересно рассмотреть то, как концепция «технографии» сближает социологию и этнографию в рефлексии по поводу новой, технологически детерминированной социальной реальности и образует новые возможности для формирования смежных подходов к ее изучению.

Еще в начале книги мы видим рассуждения автора о необходимости переосмыслить само традиционное понимание исследовательского поля как закрытого элемента (объекта) исследования наук ввиду того, что его территориальное ограничение просто невозможно в эпоху глобальной мобильности. Сегодня повсеместное использование мобильных технологий («mobile technology usage») создает уникальные условия для существования мобильности. Попытка определения поля исследования в пространстве («spatializing»), как это происходило в классических социо-культурных, этнографических исследованиях) приводит исследователя к определению поля в качестве глобальной сети («global network»).

Г. Киен полагает, что изобретение термина «технография» и ретероретизация этнографического поля в борьбе с вездесущим электронным пространством позволяет этнографически задокументировать (зафиксировать) наш «очень индивидуальный опыт», связанный с технологиями, всевозможные отношения, мысли и чувства, в которых технологии принимают участие. «Глобальная технография» помогает нам показать динамичность технологий и их существенную вовлеченность в повседневные взаимодействия. Г. Киен убежден, что «технография» показывает исследователю получить то, что сторонники cultural studies (он называет имена С. Лефербре и Э. Соджа) уже и так

знают о том, что техническое и ситуационное окружение («backdrops») наших повседневных интеракций находятся в одном пространстве с людьми и заслуживают более тщательного внимания. Таким образом, поле «появляется» вокруг устройства каждый раз, когда оно используется, и внимание такому постоянно изменяющемуся соседству с этими устройствами становится определяющим параметром поля изучения.

С целью подтвердить онтологические основания концепта «технографии» Г. Киен анализирует работы Хайдеггера, в частности «Бытие и время», в котором Хайдеггер предоставляет философский инструмент для того, чтобы поместить человека в сердце технологии, предлагая феноменологию, сконцентрированную на интеракциях человека и машины. Он считает, что Хайдеггер прав в его утверждении того, что технику невозможно отделить от онтологии ввиду ее глубокой взаимосвязи с повседневным опытом. Такое объяснение, по мнению Киена, позволяет выйти за рамки сенсуализма и дихотомии внутреннее – внешнее («inside/outside»). [4]

Также Г. Киен признает, что концепт «технографии» формируется им в том числе исходя из перспективы media studies. Медиа, по его мнению, имеет серьезный потенциал оказания глубокого воздействия на социум и культуру, и согласно которому использование технологий («put in use») социально и культурно детерминированы. В итоге Г. Киен создаёт интересную перспективу глобального поля беспроводных технологий, которые, несмотря на свои глобальные характеристики, проявляют свои свойства в повседневных интеракциях по-разному, соответственно традициям и обычаям каждого конкретного социума и культуры, то есть остаются культурно детерминированными. Однако, сама национальная идентичность, по Киену, может быть технически реконструирована в любом месте, без привязки к физической территории, и этот феномен по Г. Киену - «технологический национализм» («technological nationalism») возможен благодаря изобретению беспроводных технологий, и его действие может начинаться с выбора языка в браузере на компьютере или нетбуке в наших повседневных рутинных практиках. [5]

О роли глобализации и детерриторизации технологических практик, обусловленных использованием мобильных технологий в процессе формировании новой идентичности также пишет А. Аппадурраи. Рассуждая о глобальных культурных процессах он полагает, что в современном мире все большую роль начинают играть новые медиа и коммуникационные технологии и появление сети и электронных технологий напрямую формируют новую, «постнациональную» идентичность, которая уже не связана с самоопределению личности в качестве национальной единицы. В этом процессе, по А. Аппадурраи, главную роль играют именно новые медиа в их совокупности с физической мобильностью различных социальных групп, а также способ включения в глобальное «современное» пространство, который эти социальные группы используют - это социальное воображение, которое рождается как способ восприятия медийного потока образов и чувств, циркулирующих по большей части в глобальном социальном пространстве. [3] Таким образом, новые беспроводные медиа, создающие потоки информации и требующие социального воображения

для восприятия, связывающие эти потоки в едином глобальном социокультурном поле, рождают феномены, описываемые Г. Киеном как «технологический национализм» и как формирование «постнациональной» идентичности у А. Аппадурраи.

Если Г. Киен считает необходимым создать направление в этнографии, которое бы занималось изучением медиа антропологии, создает и активно участвует в проекте, посвященном медиа антропологии, то еще один исследователь в выделяемом нами направлении «технографии» Ф. Ванинни создаёт похожие проекты, исходя их схожих рассуждений. Исходя из глубокой убежденности в необходимости «технографии» в современном мире, Ф. Ванинни создает исследовательский проект и даже направление публичной этнографии как инновационного изучения различных обществ и культур с помощью новейших современных техник и технологий. [11] Исследователей объединяет не только их рассуждения о «технографии», но и схожие практики по реализации проекта «технографии» на практике.

По Г. Киену методологический вызов заключается в том, что этнография традиционно изучает человеческие интеракции в рамках физически ограниченного «поля» исследования. Такой вид антропологии полезен для изучения иноземцев в далеких странах, а также городских пространств – в местах, физически определяемых. Однако изобретение киберпространства повлекло за собой изобретение виртуальной реальности, приход виртуальной культуры, онлайн коммуникаций и кибер-социума. Эти социальные эксперименты стали возможны благодаря развитию технологий (а конкретно беспроводных принимающих и вещающих беспроводных технологий), что и повлекло за собой необходимость реконцептуализации этнографического поля, которое больше не является исключительно статичной схемой (проектом) интеракций. В рамках традиционного подхода чаты и иные способы онлайн взаимодействия интерпретировались таким образом, будто бы они являются еще одним обычным зданием или городским кварталом. Детерриторизация технологического опыта приводит к изменению этнографического поля от серверо – центрированной модели к сетевой модели, так как сегодня люди общаются в чате, находясь в любом месте, и не выходя из данной локации («environment»).

Таким образом, в новой глобальной реальности, по Г. Киену, исследователю, стремящемуся изучать повседневные практики взаимодействия социума и технологий, «технологическую перфомативность» («technological performativity»), необходимо вооружиться «глобальной технографией» в качестве инструмента исследования, а также иметь ввиду изменение в самом объекте, поле исследования, которое уже не статично, а динамично возникает в сердце самих практик взаимодействия людей с мобильными медиа - технологиями.

Для создания своей синтетической концепции Г. Киен заимствует язык описания акторно-сетевой теории, однако он отмечает, что изобретение нового термина «технография» не предполагает поиск замены акторно-сетевой теории, наоборот, Г. Киен стремится расширить возможные способы применения на практике. Именно из положений акторно-сетевой теории Г. Киен переносит в концепт «технографии»

понимание взаимоотношений человека и машины как сложные и вездесущие, однако, в конечном счете, поддающиеся документированию, хорошо обнаруживающиеся себя в такой фиксации.

Г. Киен пишет, что создавая новую концепцию, он стремился предложить исследователям «технологической перфомативности» в социальном поле пример того, каким образом можно преодолеть традиционный подход символического интеракционизма продвинувшись в развитии количественных исследований. Также он стремился доказать, что признание технологий частью повседневной жизни не обязательно ведет к сенсуализму в научном исследовании.

Подводя итог, Г. Киен говорит, что чтобы сделать свою работу возможной, он искал гармонию между акторно-сетевой теорией, философией техники Хайдеггера, интерпретативную исследовательскую теорию Нормана Дензина и его личным опытом включенного наблюдения как глобального гражданина («global citizen») и внутреннего чужого («inside outsider»). В качестве главного положения работы Г. Киен выдвигает между предположением Латура о том, что машины созданы для того, чтобы определять социальные программы и хайдеггерианским утверждением о том, что люди являются «двигателями» технологий. Наконец, Г. Киен считает, что его положение глобального гражданина, имеющего техническую осведомленность чуть выше среднего, помещает его в уникальную ситуацию, в которой он имеет право изобрести «технографию», которая может показать результаты технологически возможной мобильности, характеризующей жизнь в контексте глобализации.

Повелл критикует методологию Г. Киен, считает ее и самого автора провокационными, однако отмечает, что в ней есть рациональное зерно. Повелл считает, что Г. Киен неверно трактует идеи Хайдеггера, хотя и относит их к теоретическим предпосылкам концепции «технографии». Также он считает, что не обязательно и не всегда и не при каждом выходе в интернет мы формируем сложную идентичность, и даже в век мобильности мы можем находиться в каком-либо месте и использовать технологии для того, чтобы выражать нашу принадлежность именно к этому месту, культуре или стране, а не стремиться к глобальной идентичности. [7] Однако продолжают появляться исследования, работы, обзоры различных западных авторов, которые так или иначе затрагивают «антропологии технологий» [6], в которых встречаются перекрестные референции как на тех же авторов, так и на теоретические концепции, поэтому сложно говорить о том, что данная тенденция формирования нового концептуального поля вокруг повсеместных практик использования технологий ограничится лишь работами рассматриваемых авторов.

Таким образом, на примере концепции «технографии» Г. Киен и медиа этнографических исследований С. Уреты, можно сделать вывод о том, что новый дисциплинарный облик социологии продолжает формироваться под воздействием необходимости поиска новых смыслов и рефлексий в том числе и относительно новых вызовов, обусловленных развитием технологий, их использованием. Разработка социологических исследований может и должна продолжать использовать как методологические, так и теоретические разработки смежных областей, что необходимо не только ради самого развития

междисциплинарных исследований, но ради усиления теоретических позиций социологических и этнографических исследований самих по себе.

В XXI веке работы, посвященные или упоминающие такое направление, как «technography» продолжают появляться, и данное направление охватывает множество дисциплинарных областей, довольно часто сторонниками данного подхода выступают этнографы и специалисты, изучающие проблемы на стыке социологии, этнографии, медиа studies, коммуникативистики и других направлений. Так, например понимание «технографии» такими немецкими исследователями, как Вернер Раммерт (Werner Rammert) и Корнелиус Шуберт (Cornelius Schubert) отличается от концепции, выстраиваемой Г. Киеном. Книга немецких авторов состоит из 14 глав, которые рассматривают на теоретическом, методологическом и эмпирическом уровне проблему, которую условным образом они объединяют под термином «technografie». [8] В книге рассматривается пул примеров, раскрывающих суть повседневных взаимодействия людей разных профессий с техникой: это инженеры, штурманы, хирурги, телефонные операторы и аналитики рынка.

В. Раммерт и К. Шуберт пишут о том, что «technografie» - довольно новый подход в микросоциологии техники. Они полагают, что впервые данный термин был представлен антропологом Паулом Ричардсоном (Paul Richards) в 1980х гг. в его работе, посвященной культуре аборигенов в Западной Африке. «Технография» в данном случае - это «этнографический подход, который акцентирует внимание на технологическом измерении культуры». [8] «Технография» не ставила новые вопросы, однако она позволяла эмпирически исследовать те аспекты социального порядка, которые были по большей части сконструированы технологиями. Исходя из этой перспективы, техника не отделяется от действующего субъекта, у нее есть некоторая автономия. Для микросоциологических исследований онтологический статус технологии менее значим, чем понимание техники в такой перспективе человеческими акторами. Действия рассматриваются в качестве механизма распределения между людьми, вещами и семиотическими программами. В качестве примера авторы приводят полет коммерческого самолета, где пилоты, автопилоты и система обратной связи взаимодействуют вместе. В такой сети «технография» дает описания действий тех частей, которые в этой сети действуют. «Технография» в данном случае имеет сходство с ранними лабораторными исследованиями.

В. Раммерт и К. Шуберт помещают свои наработки в контекст новейших разработок STS подхода. Они подчеркивают важность этнографии, этно-методологии и прагматизма в формируемом подходе. Они предваряют свое собственное эмпирическое исследование цитатами из Бруно Латура, Эдвина Хаттчинса (Edwin Hutchins) и Алекса Преда (Alex Preda), иллюстрируя данным фактом методологические связи с данными авторами. Из этих хорошо известных работ авторы развивают теоретический концепт «технографии», который они проверяют на примере множества эмпирического материала, начиная от медицинских технологий и заканчивая управлением персональной информацией инженерами. Опорой данного концепта одновременно

является «технологии в действии» как форма «распределенного познания» и «распределенного действия», отказ от принятия таких дихотомий, как природа-общество и технология-общество. [8]

Авторы полагают, что «technografie» - хорошо обработанное введение в микроисследования технологии этому сообщает этнографическая методология. Помимо убедительного проявления сильных сторон данного подхода на многочисленных примерах, авторы в то же время не скрывают некоторые из ограничений данного подхода. Среди примеров рассматриваемых авторами книг, вопрос о том, каким образом видео-камеры в операционном зале могут быть использованы для проведения технографического исследования, методы исследования взаимодействия человека и машины и другие примеры.

Ввиду всего вышесказанного, следует сделать вывод о том, что концептуализация проекта «технографии» находит свое отражение в работах многих современных авторов. Практически все из них подчеркивают важность новых медиа технологий, мобильных технологических устройств в современном меняющемся мире, и потому необходимость формирование инструмента фиксации уже имеющихся в социокультурной реальности практик использования, распространения, и создания (например, электронной книги) технологий и сложной техники. Однако сегодня мы уже не можем говорить только о влиянии техники и технологий на социокультурную среду ввиду того, что система индивид-техника уже не дифференцируется на отдельные составные части, это целостная система, и для ее рассмотрения необходимы новые концептуальные схемы, примером которых является «технография» изучения повседневных практик, объединяющая в себе социокультурный, онтологический и технологический аспекты. Формирование «технографии» как подхода в социологических знаниях только началось, и требует тщательной разработки.

Источники:

1. Иконникова Н.К. Технография как метод изучения социальных и культурных процессов // Потребление как коммуникация — 2010 / Под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. Материалы VI международной конференции, 25-26 июня 2010 г. СПб.: Интерсоцис, 2010.
2. Николаев В.Г. Чикагская школа социологии // История социологии (XIX – первая половина XX века) / Под ред. В.И. Добренькова. М., 2004.
3. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1996.
4. Kien G. Technography = Technology + Ethnography : An Introduction // Qualitative Inquiry, 2008.
5. Kien G. Global Technography: Ethnography In The Age Of Mobility // Peter Lang, 2009.
6. Papacharissi Z. Review Article: Toward a technography of cyberspace // New Media & Society, 2010.
7. Powell A. Review Article: Method, methodology, and new media // New Media & Society, 2010.
8. Rammert W and Schubert K., Technografie: Zur Mikrosoziologie der Technik, Campus: 2006.
9. Ureta S. Locating the TV: Television placement and the reconfiguration of space in low-income homes in Santiago, Chile // International Journal Of Cultural Studies, 2008.
10. Ureta S. Mobilizing Poverty?: Mobile Phone Use and Everyday Spatial Mobility Among Low-Income Families in Santiago, Chile // The Information Society, 2008.
11. Vannini P. and Vannini A. Of Walking Shoes, Boats, Golf Carts, Bicycles, and a Slow Technoculture: A Technography of Movement and Embodied Media on Protection Island, Qualitative Inquiry, 2008.

Электронные материалы:

12. <http://arstechnica.com/apple/news/2007/05/the-social-technography-of-web-2-0.ars>
13. <http://www.desireesavory.com/technography.html>
14. http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus_apresyan/96471/technography
15. <http://www.innovativeethnographies.net/>
16. <http://www.media-anthropology.net/>
17. http://www.media-anthropology.net/ureta_eseminar.pdf
18. <http://www.publicethnography.net/>

ДИЗАЙН, ВЕРСТКА
К. П. ЛАЗЕБНАЯ

